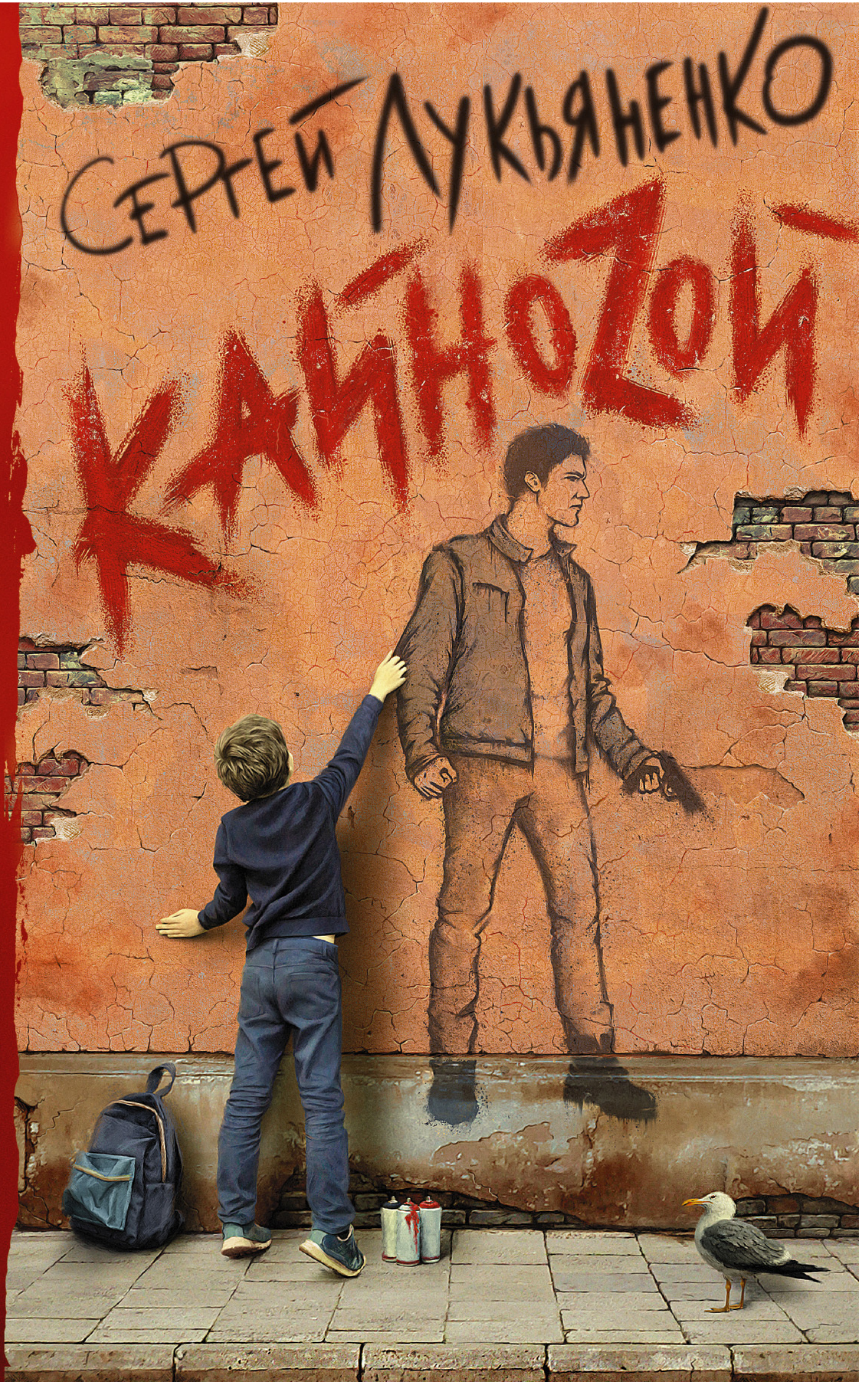


СЕРГЕЙ ЛУКЬЯНЕНКО

КАМНОТОМ



Квази

Сергей Лукьяненко

Кайнозой

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лукьяненко С. В.

Кайнозой / С. В. Лукьяненко — «Издательство АСТ»,
2018 — (Квази)

ISBN 978-5-17-112584-4

Один мёртвый поезд. Один мёртвый город. Одна неделя, чтобы спасти
мёртвый мир.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-112584-4

© Лукьяненко С. В., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Глава первая. Путешествие из Москвы в Петербург	6
Глава вторая. Мёртвые и живые	22
Глава третья. Думы о былом	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Сергей Лукьяненко

Кайнозой

© С. Лукьяненко, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Глава первая. Путешествие из Москвы в Петербург

Вагон-ресторан был древний. Сделанный ещё в конце двадцатого века – я увидел на стенке вагона потускневшую дюралевую табличку: «Тверской вагоностроительный завод, сентябрь 1999 г.».

Я даже расчувствовался.

Когда этот вагон выпустили, я пошёл в детский сад. Люди готовились праздновать миллениум, не подозревая, что тысячелетие кончится только в 2001 году. Путин ещё не был ни президентом, ни премьером, ни председателем контрольного государственного совета. Восставшие существовали только в Голливуде, ну а про квази и речи не шло.

Близившийся к тридцати годам возраст вагон перенёс достойно, хоть в нём всё и было старомодно: маленькие столики с застиранными серовато-белыми скатертями, вместо стульев – жёсткие диванчики на двоих, на столиках – стаканы в мельхиоровых подстаканниках, искусственные цветы в пластиковых вазочках, минералка в стеклянных бутылках. Над окнами висели маленькие телевизоры, где под тихую мелодию крутились рекламные ролики РЖД с ее неполиткорректным слоганом: «Соединяя живых». РЖД никогда не отличалась политкорректностью.

Несмотря на поздний час и убогий интерьер, вагон-ресторан был полон. Существует такая традиция в России – сев в поезд, немедленно начать есть.

Ну ладно, не обязательно есть. Можно закусывать.

Я подошёл к барной стойке, за которой стоял молодой, лет двадцати с небольшим, парень. Взгляд у бармена был таким гордым, будто он не пиво разливал в вагоне-ресторане между Москвой и Санкт-Петербургом, а работал как минимум в «Восточном Экспрессе».

– Будете ужинать? – спросил бармен. Бейджик на форме гласил, что зовут его Володей.

Я косил глаза на меню. Солянка вегетарианская сборная питерская, котелок сборный томлёный донецкий, кролик тушёный с рисом, рагу из свинины по-лугански, картошка жареная на сковородке с грибами, салат «Московский» из азербайджанских помидоров и узбекского лука...

– Пожалуй, нет, Володя. Два бутерброда с колбасой и бокал «Балтики», – сказал я.

Бармен погрузился, но налил мне пива и выдал бутерброды. С добычей в руках я прошёл по вагону и остановился у столика, где сидел в одиночестве крупный мужчина с грубым угловатым лицом. Перед мужчиной стоял пустой котелок и почти допитый графинчик водки.

– Свободно? – спросил я.

Мужчина медленно поднял на меня взгляд. Черты его лица были столь рублены, грубы и асимметричны, что мне немедленно вспомнилось несчастное творение доктора Виктора Франкенштейна в исполнении Бориса Карлоффа.

– Вполне, – сообщил мужчина и зачем-то сдвинулся по диванчику к окну, будто решив, что я хочу присесть рядом с ним.

Может, у него уже не первый графинчик?

Я сел напротив. Поставил на стол тарелочку с бутербродами, отхлебнул пива.

– Вы, вероятно, москвич, – предположил мой сотрапезник.

– Угу, – вгрызаясь в бутерброд, буркнул я.

Мужчина понимающе кивнул. Посмотрел в окно, за которым безраздельно царила тьма Замкадьи. Сказал:

– Два мира – две судьбы.

– Что? – не понял я.

– Ну... – мужчина развёл руками и словно бы пригорюнился от моей недогадливости. – В Москве – свет на улицах, машины гудят, магазины работают... А повсюду тьма, ужас и опустошение.

– Мёртвые с косами стоят, – поддакнул я.

Мужчина подозрительно посмотрел на меня. Спросил:

– Довольны?

– Чем?

– Всем этим.

– Разве можно быть этим довольным? – удивился я.

Мужчина хмыкнул. Пояснил:

– Вы, москвичи, всю жизнь себя от России-матушки отделяли. Насмехались. Мол, только у вас хорошо. А за МКАДом жизни нет. Ну вот, дождались. Довольны?

– Почему насмехались? – поразился я.

Мужчина скептически улыбнулся.

– А то нет? Тамбовчане – волки тамбовские. Пермьяки – солёные уши. Рязанцы – косо-пузые. Ростовцы – вислоухие.

– Ну так и москвичей по-всякому обзывают, – сказал я. – И вообще, во всем мире у всех прозвища есть. Это ж обычное дело. И внутри страны, и между странами. Да и всё это дело давнее, мало кто сейчас и вспомнит эти прозвища. И не всегда они обидные.

Мой собеседник прищурился:

– Косопузые – не обидно?

– Нет, – сказал я. – Потому что прозвище это, как нетрудно догадаться, пошло от топора, заткнутого за пояс. Дикая Степь рядом была, без топора в путь не отправлялись. Героическое прозвище. Гордиться можно.

Налив себе рюмку, мужчина буркнул:

– Дело давнее... Вот на вас тоже пиджачок косо висит, топорщится!

– Есть такое, – вздохнул я. – Кстати, и слово «топорщится» тоже от топора под одеждой произошло.

– В Питер-то по делам? – спросил он, меняя тему разговора. – Или турист?

– По делам, – признался я.

– Люблю я Питер, – с вызовом сказал мужчина. – Люди там лучше.

– Жалко, что мало их там.

– А квази вам не люди?

– Квази – они квази. – Я допил пиво.

– Вы человеческий шовинист.

– Вы так говорите, будто в этом есть что-то плохое, – ответил я.

Мужчина фыркнул. Спросил:

– А вам не интересно, откуда я?

– Если честно, то нет. – Я посмотрел на часы. – Спасибо за компанию, но мне пора.

Приятного аппетита.

Я встал и поправил пиджак. Он действительно сидел на мне очень косо. Пошёл к тамбуру мимо ужинающих людей.

В вагонную дверь глухо стукнули. В перестуке колёс я скорее почувствовал, чем услышал толчок. Потом ещё один.

Будто кто-то тупо бился в дверь, вместо того чтобы повернуть ручку...

На миг я остановился, глядя на дверь.

Ручка задёргалась – вниз-вверх, вверх-вниз. Снова толчок. Теперь такой сильный, что его слышали все, – люди стали поворачивать головы.

Я побежал к двери, откинув на ходу полу пиджака.

Ручка снова дёрнулась и пошла вниз – на этот раз увереннее. Дверь начала открываться. – Не двигаться! – крикнул я, толкнул обратно на диванчик привставшего и загородившего дорогу пассажира, устремился к двери.

Ручка дошла до низа – и дверь распахнулась от очередного удара.

В проёме дверей стоял восставший.

Свеженький. Молодой парень лет двадцати. Наверное, совсем недавно я бы про него сказал «кровь с молоком» – был он крепким, с пухлыми, не знающими толком бритвы щеками, робкими усиками над губой. Они ехали по соседству с рестораном, в восьмом вагоне, пару часов назад я видел, как они садились – десятка три молодых парней в курсантской форме, будущие военные моряки, шумные и весёлые, в сопровождении двух офицеров постарше. Они несли маленькие чемоданчики с вещами, почти все бодро, с аппетитом жевали шаурму, купленную тут же, у вокзала.

А вот когда я проходил через их вагон – там было удивительно тихо. Я даже отметил мысленно, что дисциплина у курсантов на высоте, сели в поезд – и спать.

Да что же с ним случилось?

Никаких ран на парне не было. Просто умер и восстал? И никто из друзей-приятелей не заметил?

– У-у-у-эээ... – тяжело выдохнул курсант. Форма до сих пор сидела на нём ладно, будто на живом. Значит – даже не успел раздеться и лечь спать.

На какой-то краткий миг я вдруг предположил и тут же уверился, убедил сам себя, что это дурацкий, гадкий, омерзительный розыгрыш. Совсем молодёжь с ума посходила, восставшим притворился! Может, на спор, на слабо, «на американку»; может, от той удали, что кипит в двадцатилетних и во все времена толкает их на глупости.

И эта синюшность ещё недавно розового лица – всего лишь краска из детского набора, эти пустые мёртвые глаза с безжизненно-большими зрачками – глазные капли и немножко лицедейства. Сейчас я схвачу парня за плечо, встряхну, а когда он разразится хохотом – отвешу ему такую плюху, что он её и на пенсии вспоминать будет...

Я даже протянул к курсанту руку – как раз в тот миг, когда его мёртвые глаза неуверенно уставились на сидящую за столом женщину. Красивую, яркую женщину: длинные рыжие волосы, холеное лицо, глаза большие, выразительные, фигура, что называется, роскошная. Одета в чёрное вечернее платье «в пол», скрывающее только то, что надо скрыть, и туфли на каблуках. И это в вагоне-ресторане старого поезда!

Даже то, что сейчас женщина застыла, держа у открытого рта вилку с кусочком жареной свинины из котелка, её не портило.

– Уэээ! – протянул курсант уже бодрее, с воодушевлением. Лицо его мелко задёргалось, руки затряслись. У свежих восставших очень плохо с моторикой.

Нет, это не было глупой шуткой.

Это был восставший.

Пару часов назад, на перроне, он смотрел бы на эту женщину с совсем другим воодушевлением.

А теперь она для него была всего лишь живой пищей, к которой его неудержимо тянуло. С секунды на секунду восставший ускорится и метнётся к жертве...

Я выдернул из скрытых под пиджаком ножен короткое мачете «Голок» – и рубанул бывшего курсанта по плечу.

– Эээээ! – заворчал восставший, поворачиваясь ко мне. Из глубокого разреза медленно сочилась, пропитывая темно-синюю форму, густая кровь. Движения курсанта убыстрились, заметно лишь для тренированного взгляда – но у меня он очень тренированный. Через мгновение восставший перейдёт в стадию охоты. Как-то удивительно быстро!

Вот тогда я и ударил второй раз, снося ему голову.

Рыжая женщина вскрикнула, когда тело тяжело упало к её ногам. Я заглянул в тамбур – там никого не было, захлопнул дверь, обернулся.

Все посетители вагона-ресторана смотрели на меня. Колёса стучали, женщина кричала, а так – было тихо.

– Квази! – крикнул я. – Есть квази на территории?

Молчание.

Рыжеволосая перестала кричать. Быстро собралась, молодец.

– Квази! – ещё раз позвал я.

Тишина.

Да я и сам прекрасно помнил, что ни одного квази в вагоне-ресторане не встретил. Ну что за незадача – поезд идёт в Питер, в их столицу, и никого из разумных мертвяков рядом нет!

Мой недавний собеседник внезапно поднялся и с возмущением выкрикнул:

– Вы убийца! Вы убийца и садист!

– Почему? – удивился я, косясь через мутное дверное стекло в тамбур.

– Восставших надо арестовывать! Их нельзя мучать! Вы специально вначале порезали парня, я видел!

– Да, – признал я. – Специально. В надежде, что это всё-таки глупая шутка и передо мной человек... Эй, Володя, оружие есть?

Бармен полез рукой под стойку и вытащил здоровенный нож. Дверь, ведущая на кухню, приоткрылась, высунулся повар – дядька постарше и покрепче. У него в руках был внушительный тесак. Ну, хоть что-то.

– Я иду в шестой вагон, – сказал я. – Кому по пути – можем прогуляться.

– В случае появления восставших положено изолировать вагоны друг от друга путём закрытия межвагонных переходов, сообщить о происшествии машинисту и начальнику поезда, после чего ждать помощи! – отчеканил бармен.

– Молодец! – сказал я одобрительно. – Вот так и действуй! А я пойду. Желаящие присоединиться есть? Желаящих присоединиться...

– Пожалуй, воспользуюсь вашим предложением, – сказала рыжеволосая женщина и встала из-за стола. Платье заструилось вдоль её тела.

Я с сомнением окинул её взглядом – с головы до ног. К голове у меня претензий не было. К ногам тоже, но вот туфли...

Женщина сбросила туфли, оставшись в коротких белых носках, потом приподняла платье и кивнула мне:

– Режьте. По колено. Можно чуть выше.

– Да ничего себе! – воскликнул я с восхищением. Оттянул подол – блин, настоящий шёлк, небось платье стоит, как крыло от самолёта. И аккуратно начал вспарывать платье лезвием мачете, предварительно вытерев его о брючину несчастного курсанта.

– Он сумасшедший! – воскликнул мой недолгий сосед по столу. – Нет, ну вы посмотрите, посмотрите, он сумасшедший, он опасен! Где он взял мачете? Ты где взял мачете, признавайся!

– На «скорой помощи» работал, украл у умирающего пациента, – ответил я. Кивнул женщине: – Пошли?

– Сейчас. – Она стоптала отрезанную половину платья, перешагнула, подошла к бармену Володе. Взяла из его рук рюмку – когда налить-то успел и кому? Себе, наверное... Выпила залпом. Потом взяла из его рук нож – бармен не пытался спорить, и, покачивая бёдрами, пошла ко мне между столиками.

Мысленно я ей поаплодировал.

А потом открыл дверь и вышел в тамбур.

Вагон выглядел мирно, как и положено честному купейному вагону на маршруте Москва – Санкт-Петербург. Традиционная ковровая дорожка на полу, приглушённый свет плафонов.

Людей не было видно. Ни живых, ни мёртвых. Вагон слегка потряхивало на стыках рельс, но шёл поезд очень мягко.

– Вам в какой вагон? – спросил я свою спутницу. – Кстати, я Денис. Денис Симонов.

– В пятый, – ответила она. – Меня зовут... зовут Александра. Александра Фадеева.

– Да ну, правда что ли... – пробормотал я, глядя вдоль коридора. – Как вы полагаете, товарищ Саша, он был один?

– Я полагаю, что мне надо в пятый вагон, – ответила она. – И быстро.

– Сын, дочь? – спросил я.

– Дочь и муж. Он собирался её уложить и подойти.

– Понятненько, – сказал я. – Держитесь за мной.

И аккуратно подёргал дверь последнего купе. Та приоткрылась – совсем на чуть-чуть, видимо пассажиры уже закрылись на ночь. Я заглянул в щель.

– Ну? – спросила Александра нервно.

Вначале мне показалось, что лежащие на полках курсанты спят. Торчали из-под простыней руки-ноги, позвякивала на столе ложечка в стакане – привычный, умиротворяющий звук поездов.

Потом я увидел, что высовывающаяся к самой двери голая стопа подёргивается. Равномерно, будто настраиваясь на какой-то беззвучный ритм. Сжались-разжались пальцы. Напряглись крепкие молодые мускулы.

– Плохо всё, – сказал я, прикрывая дверь. – Очень плохо. Идёмте.

– Мертвы? – спросила Александра, быстро идя за мной.

– Восстают.

Я заглянул в ещё одну неплотно закрытую дверь. Один курсант лежал на полу – видимо, упал с верхней полки. Голова у него была вывернута, шея сломана – но тело подёргивалось, потихоньку выправляя повреждения.

– Как? – спросила Александра. – Почему?

– Не знаю, – ответил я. – Видел их на вокзале, бодрые были ребята. Боюсь, моряки чем-то траванулись. Знаете, Саша, я всегда опасался есть шаурму на вокзалах...

– Красивые были ребята, – тихо ответила Александра.

Мы тихо шли по вагону – пока не обнаружили открытое купе. Отсюда, похоже, и вышел незадачливый посетитель ресторана.

Трое его товарищей были внутри.

Один восставал – по телу волнами пробегала дрожь, он уже пробовал поднять голову. Второй стоял на четвереньках. Третий пытался выйти в коридор, но с координацией пока было плохо, его заносило вправо, и он бился головой о косяк. При нашем появлении несчастный издал мычащий звук и в очередной раз приложился лицом.

– Этого не может быть, – сказал я. С силой толкнул восставшего в грудь – тот, взмахивая руками, попытался, наткнулся на стоящего на четвереньках товарища, упал, присев на столик. Полупустая банка консервированных грибов со стуком упала со столика на пол.

– Чего не может? – спросила Александра.

– Все разом встают! Период поднятия у каждого индивидуальный, кто-то быстро, а кто-то и денёк должен полежать...

Я захлопнул дверь купе. Решил:

– Значит, так. Сейчас мы идём в свои вагоны. Предупреждаем проводников. Катастрофы не случилось, все восставшие, кроме одного, пока здесь. Вагон изолируем, в Питере квази возьмёт кадавров под контроль. Правильно? Головы пока постараемся не рубить.

Рыжая женщина кивнула, зачарованно глядя на меня. Спросила:

– Так вы когда-то работали на «скорой помощи»?

– Разве я похож на врача?

Женщина нервно засмеялась, пробормотала едва слышно какую-то ерунду:

– Ну, может, мальчик, или в... улке...

– В переулке? Я на доктора не похож и в подворотне, и посреди проспекта, – ответил я.

От нервов многие начинают заговариваться. Я легонько подтолкнул женщину, и мы вышли из вагона мертвецов. По пути я подёргал дверь, за которой было купе проводника, но того, похоже, на месте не было.

Почему-то я и мысли не допускал, что в следующем вагоне мы увидим такую же картину. Если бы смерть была способна выплеснуться за пределы одного вагона – что-то случилось бы и в ресторане, а ведь там никто не умер.

И в седьмом вагоне, действительно, всё было в порядке. Из одного купе доносился смех – живой, радостный. Там сидела компания, человек восемь – сошлись из нескольких купе. На столе, конечно же, был не только лимонад, но вели себя пассажиры тихо.

Как-никак в культурную столицу едут.

– Мужики, квази в вагоне есть? – спросил я, заглядывая в купе.

– А ты через полчаса зайди, мы тут все наквазюкаемся... – отозвался один, с хитроватым лицом балагура.

Повернулся.

Увидел мачете в моей руке.

Женщину с обрезанным платьем и кухонным ножом за моей спиной.

Замолчал.

Покачал головой.

Хмель и с него, и с его товарищей слетел мгновенно. Раздалось несколько крепких словечек.

– В соседнем вагоне беда, – сказал я. – Там морячки ехали, курсанты. Полный вагон. Ну и... похоже, траванулись чем-то.

– Совсем траванулись? – спросил кто-то.

Я кивнул. Пояснил:

– Одного пришлось уложить. В ресторане. Он первый восстал. Остальные, пожалуй, до Питера доедут. Но вы будите проводника, запирайте двери в тамбуре. На всякий случай проверьте всё купе... Вдруг ещё кто-то... поел несвежего...

– Не бойся, проверим, – сказал кто-то из мужиков. – Всё будет как надо.

Ребята и впрямь были серьёзные, я сразу почувствовал себя спокойнее. Такие и забаррикадируются, и вагон проверят, и голову, если надо, отрубят.

Мы с Александрой уже выходили из вагона, когда кто-то из компании меня окликнул:

– Много там восстало-то?

– Да уже почти все! – ответил я.

– Так не бывает!

– Знаю, – согласился я.

Мы прошли тамбур и оказались в моём шестом вагоне.

И здесь всё было тихо. Нормальной живой тишиной, а не той, что царила в восьмом вагоне.

Хотя, конечно, это я уже придумываю.

– Всё в порядке, – сказал я. – Идите к семье, товарищ Александра. Вы молодец, восхищён вашей выдержкой.

Она едва заметно улыбнулась.

– А вы здесь едете?

– Да. Второе купе. Извините, внутрь не приглашаю, – я поднял руку и постучал по двери.

– Ничего, – сказала Александра, пристально глядя мне в глаза. Казалось, что она хочет что-то сказать.

Ну, или страстно поцеловать меня – несмотря на мужа и дочь в соседнем вагоне.

Я был бы совсем не против – Александра была очень красивая женщина. Поцелуй за спасение – это ведь романтика, а не измена. Даже её муж должен был бы согласиться, если уж по-честному!

– Граждане, немедленно вернитесь в свои купе, закройте двери, открывайте только официальным представителям РЖД! – гаркнул вдруг под ухом проводник, вышедший из своего купе. Одной рукой проводник заправлял в штаны мятую рубашку, в другой крепко сжимал дешёвое табельное мачете. – У нас... э... технические проблемы... Откуда у вас мачете, гражданин?

– Он его украл, – усмехнулась Александра. Протянула проводнику нож. – Отдайте потом бармену Володе, ладно?

И она пошла по коридору – плавной, манящей походкой. В коротком платье она выглядела ещё лучше.

– Не мог на минуту позже выйти, а? – спросил я проводника, глядя вслед Александре.

– Откуда у вас мачете? – всё настаивал тот на своём.

Я достал и предъявил ему удостоверение:

– Мачете служебное. Идите, обеспечьте изоляцию восьмого вагона с нашей стороны.

– Там всё плохо? – спросил проводник *с пониманием*.

– Там ещё хуже, – ответил я. Снова постучал в дверь.

Замок щёлкнул, и Найд открыл дверь. Был он в одних трусах, сонный и недовольный.

– Ну па... – начал он. Потом удивлённо посмотрел на оружие в моих руках и в руках проводника. Сон с него тут же слетел. – Что случилось?

– Да обычное взрослое занятие, ножичками меряемся, – сказал я. – Спорим о лучших сортах стали и методах заточки лезвия.

– Папа!

Я кивнул проводнику, вошёл в купе, закрыл дверь. Сел на койку. Спрятал мачете в ножны.

– Что случилось? – спросил Найд, переминаясь с ноги на ногу.

– Ну, – я откашлялся. – Во-первых – я навсегда запрещаю тебе есть шаурму на вокзалах. Поверь, сын, оно того не стоит.

Найд сел напротив, потёр кулаками глаза. Сказал:

– Хорошо. Понял. А шаверму – можно?

– Питерскую, вегетарианскую? Из тушёной капусты с морковкой? Можно.

– Что случилось, пап? – Найд посмотрел мне в глаза.

Я вздохнул.

– Сашка, через вагон от нас ехали морячки, курсанты. Питерские. Может, с экскурсии какой-то возвращались, не знаю... В общем – они потравились всем вагоном. Понемногу встают.

– Весь вагон? – тихо спросил Найд.

Я кивнул.

– Ты всех убил? – уточнил Найд.

Я вздрогнул.

– С ума сошёл? Нет, конечно. Одного, увы, пришлось. Вагон изолировали. Надо бы квази подтянуть, но в принципе опасности нет. Вагонные двери им не выбить.

– Квази не любят ездить ночными поездами, – сказал Найд. – Считают это пустой тратой времени. Я... мы... ехали утренним экспрессом.

– Ну, кто-то найдётся, – сказал я. – В общем, ты не волнуйся. Ложись спать.

– Ты же спать не будешь?

Я покачал головой.

– Тогда я тоже, – решил Найд.

– Как хочешь. Но не спать будешь лёжа и под одеялом.

Найд хмуро посмотрел на меня, но всё-таки забрался под одеяло, лёг, глядя на меня. Я пригасил свет, облокотился на столик, глядя в окно.

И впрямь – тьма, пустота, холод. Весна выдалась ранняя, но холодная. И где-то там бродят, добывая себе пропитание, восставшие...

– Я не знаю, хочу ли в Питер, – тихо сказал Найд.

– Сам напросился, Саша. А мог остаться с Настей...

– Нет.

– Или с Маркиным. У него сын – твой ровесник...

– Можно я подумаю? – сонно спросил Найд. – Остаться у чужих людей в Москве и целый месяц ходить в чужую школу. Или поехать в Питер и целый месяц не ходить в школу... Я подумал! Всё-таки лучше в Питер.

Найд уснул через пару минут.

Ещё через четверть часа я тихонько вышел из купе. Зашёл в туалет и вымыл мачете. Потом прогулялся в сторону мёртвого вагона, убедился, что двери туда перекрыты, в тамбуре дежурят проводник, пара крепких мужиков и женщина-квази – нашли всё-таки одну. Со стороны вагона-ресторана, как отчитался проводник, тоже всё было надёжно перекрыто и охрана выставлена.

И, как ни странно, меня это успокоило. Настолько хорошо, что, вернувшись в купе, я запер дверь, разделся, лёг и мгновенно уснул.

Я позвонил в дверь ещё раз. Как будто наклеенной на дверь пластиковой ленты с надписью «опечатано» мне было мало. Постоял, глядя на номер квартиры, – винтики, которыми были прикручены латунные цифры, ослабли. Захотелось достать отвёртку и подкрутить. Только зачем?

Тихонько приоткрылась соседняя дверь. Выглянула соседка, я её немного знал. Однажды она застала нас с Олей целующимися в подъезде – и посмотрела столь сурово, с таким неодобрением, будто Ольге было не двадцать лет без малого. Мы тогда не выдержали, захохотали, а Ольга сквозь смех сказала: «Добрый вечер, Марья Захаровна!»

– Добрый вечер, Марья Захаровна, – сказал я.

В глазах тётки мелькнуло узнавание.

– Денис! Ох, Денис, горе-то какое!

Голос у неё сразу изменился. Есть такие женщины в годах, которым доставляет удовольствие сообщать о неприятностях. Кто-то заболел, умер, собака убежала, канализационную трубу прорвало, горячей воды две недели не будет, гречка подорожала – что угодно годится. Причём сочувствие из них прямо-таки сочится, но вперемишку со смакованием, с радостным возбуждением. Наверное, для таких самое большое горе, что они сами по себе попричитат на похоронах не смогут.

Хотя, пожалуй, теперь у них шанс будет. «Ой, горе-то какое, умерла я на той неделе!»

– Знаю, Марья Захаровна, – сказал я. – У всей страны горе. У всего мира. Что случилось-то с Олиными родителями?

– В метро они погибли! – с жадным восторгом воскликнула соседка. – Говорят, то ли мертвяк в вагоне поднялся, то ли показалось, – давка началась, паника, поезд остановился, люди по путям кинулись, топтали друг друга, на кусочки рвали со страху... Там и сгинули. И

тёща твоя и тесть. Они на рынок ездили, на Рижский, хотели курочку купить фермерскую, пока продают, побаловать себя напоследок. Так и сказали, уходя...

Соседка осеклась и с жадным любопытством посмотрела на меня:

– А где же Олечка? Где малышка ваши?

Я молчал, глядя на неё.

– Ох, горе-то! – радостно запричитала соседка.

– Марья Захаровна, вы не знаете, может подружки у Оли тут жили какие рядом? – спросил я.

– Нет, она девочка скромная была, тихая, переехали сюда, когда большая уже была, школу заканчивала, – протараторила соседка. – Ни подружек, ни друзей – всё с родителями, всё с книжками, солнышко наше...

Я кивнул и пошёл вниз по лестнице. Мне даже не с кем было разделить своё горе.

Под утро, когда на границе питерской кольцевой поезд незапланированно остановился на разъезде, я проснулся. Снова вышел в коридор, не утруждая себя излишними вещами, – в трусах, с мачете и мобильником. Усталый проводник курил в тамбуре, нарушая все предписания. Поезд расцепляли, извлекая из его середины несчастный восьмой вагон.

Как на мой взгляд – так проще было всем доехать до Московского вокзала, а там бы опытные квази спокойно вывели восставших и отправили в резервацию. Но тут уже играли роль соображения совсем другого порядка. Три десятка молодых моряков внезапно умерли и обратились в восставших. Один был ликвидирован безвозвратно. Что ни говори, а ЧП государственного масштаба, власти явно решили подготовить общественное мнение.

– Бедные ребята, – пробормотал проводник, глянув на меня. – Что ж случилось-то?

Я пожал плечами. Версия с несвежей шаурмой, конечно, убедительной не выглядела.

– Вам, кстати, велено из купе не выходить, – добавил проводник. – Начальник поезда сообщил. Просил даже вас запереть.

– Знаю, знаю, хотят наградить, – сказал я. – Прямо на перроне, боятся, что убегу от награды. Хотят вручить именные настольные часы от Министерства путей сообщения в виде маленького чугунного паровоза. В двенадцать часов дают гудок. Шикарная вещь, такую только для особо отличившихся выпускают!

Проводник нахмурился. Недосып явно сказался на скорости его мышления.

– Какой чугунный паровоз?

– Маленький, – я показал руками. – Или вы про модель? «ФД». «Феликс Дзержинский». Впереди на котле вместо красной звезды – циферблат. Но я не хочу брать.

– Здорово, – задумчиво сказал проводник. – А почему не хотите брать?

– Гудят громко, – объяснил я. – Днём ещё ничего, а ночью? И уголь в Москве сложно достать, а паровой котёл, знаете, какой прожорливый?

– Да ну вас, – сказал проводник. – Как вы можете в такой ситуации шутить?

Я посмотрел на вагон, который оттаскивали по путям. Сказал:

– Всё лучше, чем плакать.

– Вы учтите, вас не награждать собрались, – предупредил проводник. – Посетители ресторана написали петицию о том, что вы сознательно убили восставшего. вместо того чтобы принять меры к задержанию. В Питере очень строго к этому относятся, знаете ли.

– Да, в Питере с восставшими всегда обращались хорошо, – согласился я. – Уже два века как. Спасибо. Я, в общем-то, догадывался. Даже знаю этого посетителя.

Дождаться, пока наш поезд снова сцепят, удалив из него мёртвый вагон, будто ампутировав погибший орган, я не стал. Прошёл в другой тамбур, там никого не было. Подумал секунду.

И позвонил по телефону.

– Проснулся? – спросил Маркин. Голос у него был традиционно бодрый. – Что-то рановато доехал до культурной столицы.

– Восьмой вагон отцепляют.

– Ясно. Почему сразу не сообщил?

– Не хотел будить.

– Спасибо, в итоге меня разбудили, как только я заснул. Ты что творишь, Денис?

– Защищаю невинных.

– Ты ещё добавь: «соблюдаю закон». Почему ты убил восставшего?

– Он собирался кинуться на женщину. Разодрал бы ей горло вмиг.

– Женщина-то хоть красивая? – спросил Маркин.

– А то!

Мой начальник хмыкнул. Спросил:

– Задержать не пробовал? Учитывая твой игривый настрой, уточняю – восставшего задержать не пробовал?

– Маркин, ты же меня знаешь, – сказал я. – Он ускоряться начал. Охотиться. Секунды оставались.

– Едва восстав – ускорился? – с сомнением спросил Маркин.

– Бывает, сам знаешь.

Маркин неохотно сказал:

– Всё бывает... От меня требуют санкцию на твоё задержание. Я, конечно, их послал. Пообещал сам разобраться и наказать.

– Кто требует?

– Квази, кто ж ещё... Парень был питерским, в его завещании указано согласие на восстание... Советую позвонить Бедренцу.

Я выразительно помолчал.

– Ты же всё равно едешь в их ведомство, – сказал Маркин. – И всё равно бы с ним встретился.

– Не хочу встречаться в роли просителя.

– Понимаю, – одобрил Маркин. – Но если тебя посадят до выяснения, мне будет очень трудно тебя выковыривать из питерских застенков.

Какой слог! Питерские застенки! Видать, достали Маркина безопасники квази...

– Не посадят. Я с Сашкой, что они, мальчишку в застенки бросят?

Маркин на некоторое время замолчал. Потом спросил:

– Ты что, с сыном в Питер поехал?

– Откуда мне было знать, что такое случится? А он очень просился. Скучает он по Питеру, понимаешь?

Маркин вздохнул и повторил:

– Позвони Михаилу. Тем более, раз у тебя сын на руках. А мне пару часов не звони, я отключу телефон и лягу поспать.

Поезд вздрогнул – вагоны снова сцепили. Мне дальше спать не суждено, через полчаса приедем на вокзал.

Я стоял и глядел на экран телефона.

Позвонить или попробовать обойтись без этого?

Формально у квази не существовало чиновников, полиции и аварийных служб. В общем – никаких государственных структур, один лишь Представитель – президент, царь, диктатор, считайте его кем угодно.

Такая ситуация, насколько я знал, была в большинстве общин квази, лишь в США они упрямо скопировали человеческую государственную структуру, образовав параллельное пра-

вительство и даже две партии – некро-демократическую и морто-республиканскую. Одну возглавлял женщино-американец, другую – чернокожий трансгендерный американец – в общем, всё как у людей.

Но в России, как и в большинстве стран мира, квази декларировали анархическую форму государственного устройства. Они занимались различными делами, но официально их должности никак не были закреплены – «инспектор» или «посланник» Представителя были той максимальной уступкой, на которую они шли.

Так что формально четыре квази, собравшиеся вокруг меня с Найдом, должностными лицами не являлись. Несмотря на одинаковую одежду – небесно-голубые кители, оранжевые брюки и пронзительно-жёлтые береты, несмотря на увесистые резиновые дубинки на поясах и ту характерную «полицейскую» манеру общаться, которая остаётся у нашего брата даже после смерти.

– А я ещё раз повторяю, – сказал я. – На основании чего вы меня задерживаете? Если вы сотрудники органов охраны порядка – предъявите ваши документы.

– Ещё раз объясняю, гражданин, – сказал старший из квази (погон у них не было, но все они почему-то носили на груди значки в виде маленьких красных звёздочек; так вот: у троих было по одной звёздочке, а у старшего – три). – На территории квази нет органов охраны порядка, поскольку нет и нарушения. Мы обычные жители Санкт-Петербурга, любящие порядок. И мы вас не задерживаем. Мы просим добровольно пройти с нами, чтобы в неформальной обстановке в районном отделении клуба любителей порядка побеседовать на разные темы.

Я вздохнул. Нелепая раскраска формы (которой, конечно же, тоже не было – ну просто случайно оделись «обычные жители» одинаково) вызвала ощущение, что я попал в старую детскую книжку – и спорю сейчас с её вежливыми персонажами.

– Извините, – спросил я. – Ваша фамилия не Свистулькин?

Квази выглядел молодо и, возможно, книжку про Незнайку в Солнечном городе не читал.

– Нет, – сказал он. – Фамилия моя Пеночкин, Пётр Пеночкин. А какое это имеет значение?

Я вздохнул. Над вокзалом, как и положено во время прибытия поезда, звучал гимн Санкт-Петербурга:

Несокрушим – ты смог в года лихие
Преодолеть все бури и ветра!
С морской душой,
Бессмертен, как Россия,
Плыви, фрегат, под парусом Петра!¹

Найд подёргал меня за рукав. Я положил руку ему на плечо, бросил:

– Подожди, сейчас... Обычный житель Санкт-Петербурга Пётр Пеночкин, скажите, а если я откажусь пройти с вами?

– Полагаю, нам придётся быть очень убедительными, – сказал Пеночкин. С некоторым даже воодушевлением сказал, *с обещанием*.

– Со мной ребёнок, – сказал я.

– Ребёнка мы доставим в детский клуб временного содержания, – сообщил Пеночкин. – Не беспокойтесь.

– Папа! – требовательно сказал Найд.

Я достал из внутреннего кармана куртки удостоверение, протянул его Пеночкину. Тот даже смотреть не стал.

¹ Чупров О. «Державный град, Возвышайся над Невою...» – гимн Санкт-Петербурга.

– Мы знаем, кто вы, капитан Денис Симонов.

– И это ничего не меняет? – спросил я.

– Усугубляет, – спокойно ответил Пеночкин.

– Отец! – совсем уж резко произнёс Найд.

Я посмотрел на него. Найд мотнул головой, взглядом указывая в сторону.

Повернувшись, я увидел Михаила Бедренца.

Старый квази, похоже, стоял рядом уже некоторое время.

Был он, как всегда, в старомодном мятом костюме, в шляпе, при галстуке. Поверх пиджака Бедренец набросил чёрный шерстяной плащ строгого, напоминающего военный, кроя. А может быть, военный, точнее, военно-морской вид плащу придавала бескозырная ленточка, чёрная с золотым якорьком, которую Бедренец скрутил восьмёркой и приколот к лацкану?

– С морской душой, бессмертен... – негромко сказал я.

Бедренец покосился на ленточку. Потом уставился на гражданина Пеночкина. Тот некоторое время стоял спокойно, глядя на Бедренца, потом заёрзал, затоптался, будто ему резко захотелось в туалет.

Бедренец продолжал смотреть на него.

– Я это считаю неправильным, – сказал Пеночкин, опуская глаза.

– Идите, Петя, – мягко сказал Михаил.

Пеночкин и его товарищи молча отошли в сторону.

– Что я пропустил? – спросил я. – Вы теперь телепаты?

– Телепатия антинаучна, – сказал Бедренец строго.

– А живые покойники – очень даже научны, – кивнул я.

Михаил помедлил и протянул мне руку.

Я глубоко вздохнул.

Полгода назад при последней встрече мы стояли с ним у Мкада, у наглухо закрытых ворот на Рублёвку, и собирались друг друга убивать. Ну, точнее он собирался меня убить, а я его – успокоить. Если бы не прибежал Найд...

Я протянул руку и пожал горячую ладонь мёртвого полицейского.

– Не держи зла, – сказал Михаил. Опустил руку в карман, достал и протянул мне свёрнутую восьмёркой чёрную ленту. – Приколи, сегодня весь город их наденет. В память о погибших курсантах.

Я кивнул, понимая наконец-то происхождение ленты на его пиджаке.

– Здравствуй, Саша, – тем временем сказал Михаил, повернувшись к Найд. – Рад тебя видеть. Ты подрос.

– Серьёзно? – удивился я.

– Примерно на полтора сантиметра, – сказал Михаил. Протянул Найд.ру руку, как взрослому.

Тот заложил руки за спину, молча глядя на старика.

– Ты зря на меня сердись, – сказал Бедренец. – Я всё сделал для твоего же блага.

Найд молчал.

– Нам придётся некоторое время работать вместе с твоим отцом, – рассудительно сказал Михаил. – Мы будем постоянно встречаться. В такой ситуации бойкот малопродуктивен и крайне неудобен для обеих сторон.

Я видел, что сын размышляет.

– Здравствуйте, Михаил, – очень вежливо ответил Найд, пожимая ему руку. – Как существуете?

– Без изменений, – кивнул Бедренец. – Пойдёмте.

И мы двинулись с перрона, сквозь толчею людей и квази. В воздухе витал неистребимый вокзальный запах – множества человеческих тел, угля и солярки, самой разнообразной еды. Откуда он берётся, если квази не пахнут, на угле и солярке поезда давным-давно не ездят, пищу привозят готовую и запаянную в пластик? Не знаю. Наверное, с девятнадцатого века законсервировался, въелся в вокзальные камни.

– Моё нынешнее положение в правительстве неустойчиво, – тем временем произнёс Бедренец. Он шёл впереди, явно уверенный, что мы не отстанем. – Но я хорошо известен правоохранителям и всё ещё имею достаточно полномочий. А телепатии у нас нет. К сожалению.

– А что случилось с твоим положением? – поинтересовался я. – Ты выполнил миссию в Москве. Тебя на руках должны носить, Михаил.

– Разве ты не в курсе? – удивился Бедренец. – Ты же приехал.

– Меня отправил Маркин. Сказал, что квази настаивают на моей командировке в Питер, что есть проблема, по которой мне придётся работать с... с тобой.

– И никаких деталей? – удивился Бедренец. – Я же ему всё подробно написал.

– Он считает, что если я ознакомлюсь с ситуацией на месте, постепенно, то лучше войду в положение дел и добьюсь больших успехов, – неосторожно пояснил я.

– Вот как... – задумчиво сказал Михаил. – Интересная точка зрения...

Мы прошли мимо бюстов Петру I и Ленину, с недавних пор установленных в здании вокзала рядом. Великий русский император и великий русский революционер неприязненно смотрели друг на друга. Ну а что поделать, поставили – терпи.

– Так что случилось? – спросил я.

– Пожалуй, я приму точку зрения твоего начальства и буду вводить тебя в ход дела постепенно, – сказал Михаил. – Сейчас поселитесь, ходим пообедать, потом отведём Александра гулять в парк и поговорим.

– Какой парк? – возмутился Найд. – Я не маленький, меня не надо куда-то отводить!

– Но мы же не можем таскать тебя с собой.

– Я к друзьям пойду, – заявил Найд. – Я могу сам о себе позаботиться.

– Это верно, – согласился Михаил. – Друзей у тебя в Питере много, найдёшь, чем заняться... Вот мы и пришли.

Я остановился, глядя на огромную велосипедную стоянку перед вокзалом, на площади Восстания. Сказал:

– Да ладно. Ты, конечно, шутишь.

– У нас не очень принято передвигаться на автомобильном транспорте, – сказал Михаил строго. – Особенно на близкие расстояния. Не стоит выделяться. Я заказал велосипед для тебя, а Найдю привёз его собственный.

– Ну нафиг... – простонал я, глядя, как Михаил отстёгивает от креплений замок велосипеда. Правонарушений у них нет, видите ли... но велосипеды всё-таки воруют. – А чемодан?

– Я увезу, – уверенно сказал Бедренец, похлопав по багажнику над задним колесом. – Тут стояло креслице Саши, я его три года возил, ни разу не уронил.

Найд, к моему удивлению, засмеялся и даже погладил свой велосипед по рулю. Потом посерьёзnel:

– Надо седло поднять... и шины ты опять перекачал...

– Я десять лет на велосипеде не ездил, – в панике сказал я. – Михаил, ты серьёзно? Скажи мне, что это шутка? Она удалась! Михаил, ты ведь шутишь, да?

Хорошо, что не было снега.

Я почему-то думал, что нас поселят на Марата, в прошлом несколько раз доводилось там останавливаться. Но мы проехали по Невскому, свернули на набережную Фонтанки. Бедренец, что неудивительно, оказался прекрасным велосипедистом, ноги у него работали быстро

и чётко, будто рычаги у паровозных колёс. Незастёгнутый плащ развевался за плечами, квази не слишком-то боялся холода.

Найд вообще слился со своим велосипедом воедино. То уезжал вперёд, то отпускал руки и с явным наслаждением ехал без руля, форсил, как это принято у мальчишек. Я вдруг виновато подумал, что ни разу не задался этим вопросом, не предложил ему купить велосипед в Москве, а ведь он в Питере привык к двум колёсам. Впрочем, зимой у нас не особо-то и поездишь.

Ну а я – я тоже ехал. Вцепившись в прорезиненные ручки руля, мгновенно ставшие мокрыми от пота. Изо всех сил крутя педали. Куртка сбилась на пояс вверх, пиджак под ней явно смялся и топорщился, рубашка вылезла из штанов, и поясницу холодил весенний воздух. Нет ничего нелепее, чем ехать на велосипеде в костюме.

Но ведь у Бедренца получалось!

И у всех этих квази и людей, что катили по питерским улицам и проспектам на велосипедах – тоже. Некоторые везли детей, многие – вещи. Некоторые были одеты для велопрогулок, но большинство – в самой обычной одежде, и никаких трудностей или смущений это у них не вызывало. Помимо обычных велосипедов я заметил и электровелосипеды, и сегвеи, и моноколёса, и электроскейты, и электросамокаты. В общем – весь набор экологически чистых городских транспортных средств. Для машин даже на Невском осталось только по одной полосе в каждую сторону.

– Ты мог мне хотя бы электрический велосипед подогнать? – спросил я, с натугой успевая за Михаилом.

– Боялся тебя обидеть, – не оборачиваясь ответил квази.

– Чем?

– Ты мог решить, что я принижаю твои физические способности.

Наверное, он всё-таки издевался? Или говорил всерьёз?

С набережной мы свернули в переулок имени казахского поэта Джамбула. Здесь, у старого четырёхэтажного дома (впрочем, в центре Питера мало не старых домов) с магазином «Тульские самовары» на первом этаже, Михаил остановился.

– Я буду долго гнать велосипед, – пробормотал я, останавливая своего железного коня. В ногах начали болеть какие-то мышцы, о которых я давно забыл. Хотелось походить нараскоряку. Ощущения в седлище заставляли вспомнить о казни путём посажения на кол. – Нет! Не смогу я целый день на велосипедах ездить, Михаил. Даже на электрических.

Бедронец посмотрел на меня с сочувствием.

– Хорошо, Денис. Я подумаю, что можно сделать. Велосипеды пока оставим в парадном.

Парадное было обычным подъездом, даже не слишком просторным. Квартира оказалась на четвёртом этаже. Лифта, конечно, в этом здании не было. Но я уже не роптал.

Через час мы сидели в кафешке поблизости и завтракали. К счастью, хотя бы в этом вопросе Михаил не стал погружать меня в питерскую атмосферу целиком – кафе не было вегетарианским, мне приготовили яичницу. Найд, заказавший вначале хлопья с апельсиновым соком, тоже попросил омлет – видимо, чтобы дистанцироваться от Бедренца. Но Михаила, конечно, такими глупостями было не пронять.

– Очень рад, что ты стал есть больше белковой пищи, – мимоходом заметил он, чем явно испортил Найдю аппетит. – Вам удалось выспаться?

Я кивнул, подцепляя с тарелки желток.

– По телевиденью только и говорят о случившемся, – сказал Бедронец. – Тридцать погибших моряков. Массовое отравление.

– Уже понятно, чем они отравились?

– Да. «Си-Пей». Синтетическое боевое отравляющее вещество, блокирует прохождение нервных импульсов. Убивает мгновенно, через несколько минут начисто разлагается на безвредные составляющие. Официально нигде не производится, неофициально – есть на вооружении спецподразделений всего мира.

Я опустил вилку и уставился на Бедренца. Осторожно спросил:

– Ты хочешь сказать...

– Да, их убили. Отравили весь вагон. Остатки ампулы нашли почти сразу – её забросили в систему кондиционирования вагона. А ты что думал? Мне передали, что ты всем твердил про несвежую шаверму. Из-за этого к тебе и привязались – нельзя же всерьёз нести такой бред.

– Нет, ну про шаурму я шутил... – Я глянул на Найда, тот укоризненно смотрел на меня. – От нервов. Нет, конечно. Я в одном купе банку грибов видел открытую. Решил, что ботулизм.

– Ты подумал, что все они сразу, одновременно наелись испорченных грибов? – скептически спросил Михаил.

– Ну... да. – Я почувствовал себя идиотом.

– Инкубационный период при ботулизме – несколько часов.

– Я не специалист, – огрызнулся я. – Что я мог ещё подумать? Целый вагон военных моряков отравлен боевым ядом? Это шпионский фильм какой-то. Эпохи первой или второй холодной войны. Я, знаешь ли, привык иметь дело с бытовыми смертями. Жена обиделась на мнение мужа о её стряпне и ударила его паштетом, проломив череп. Или двое мужчин выпили, поспорили о влиянии Ницше на развязывание Второй мировой войны и принялись колотить друг друга «Заратустрой» и «Падением кумиров». Или...

– Денис.

Я замолчал.

– Я полагал, что ты едешь в восьмом вагоне.

– Почему?

– В телеграмме из Москвы было так написано. Может, спутали, может, не на ту цифру нажали. «Капитан Денис Симонов прибывает в Санкт-Петербург поездом 054, вагон 8», мне передали из администрации вчера вечером.

Найд быстро поднял голову, посмотрел на меня, но ничего не сказал. Продолжил ковырять омлет.

– Нас хотели убить, – сказал я.

– Полагаю, что убить хотели только тебя, – поправил Михаил. – Вряд ли Александр представляет для них интерес. Но тебя убить хотели очень сильно. Настолько, что не мелочились, решили уничтожить весь вагон.

– Хорошо, что не весь поезд, – машинально сказал я.

– Хорошо, – кивнул Михаил.

Я вспомнил весёлую толпу молодых моряков, толпящуюся у входа в вагон. И как мы с Найдом некоторое время шли рядом с ними, а потом в сутолоке у вагона ещё и остановились – я полез за старомодными бумажными билетами, которые всегда по привычке распечатываю, а Найд ныл, что вагон у нас шестой, он точно помнит, у него на смартфоне билеты есть, только смартфон разрядился...

Со стороны, наверное, выглядело так, будто мы собираемся сесть именно в восьмой вагон.

Бедные курсанты.

– Но это, полагаю, снимает с меня все подозрения? – спросил я. – Можешь передать вашим питерским дружинникам, что я – как цесарка.

– Что? – Бедренец не понял.

– Как жена Цезаря. Вне подозрений.

– Обычно, когда тебе тоскливо, ты довольно удачно остришь, – сказал Михаил. – Но сейчас не получилось.

Я кивнул.

– Понимаю. Можете ещё Сашу допросить.

– Ты про Александру Фадееву, которую упомянул в рапорте товарищ Симонов, папа Александра? – спросил Михаил небрежно.

Пару секунд я обдумывал его слова.

Потом беззвучно выматерился.

– Полагаю, она импровизировала на ходу, – продолжал Бедренец. – Имя взяла твоего сына, потому что это подсознательно вызывало у тебя доверие. Фамилию – другого писателя тех лет. Нагло, но сработало.

– То есть её не было в поезде? – уточнил я.

– Женщина была, её видели. Скорее всего, билет она покупала под именем Ольга Чехова. Скорее всего, тайно вышла из поезда на границе Питера, когда отцепляли восьмой вагон. Ехала она одна, никакого мужа и дочери с ней не было.

– Я ведь даже проснулся, – заметил я. – Вышел в тамбур... с проводником пообщался.

– Не было похоже на то, что в купе кто-то заглядывал в твоё отсутствие? – спросил Михаил.

Я вздрогнул, глядя на Найда. Тот пожал плечами.

– Не знаю, – сказал я. – Как-то и в голову не пришло... Ольга Чехова... Чем-то знакомое имя.

– Старая русско-немецкая актриса первой половины двадцатого века. Гитлер её очень любил, несмотря на русское происхождение. Ещё, говорят, была агентом НКВД. Спроси Маркина, он точно скажет.

– Ну, ты же не хочешь сказать...

Бедренец вздохнул.

– Нет, конечно. Та Чехова давным-давно умерла, шансов восстать у неё не больше, чем у Наполеона. Но если фальшивое имя выбрано не случайно, то это интересный штрих. Любит литературу, однако.

Я подумал немного и кивнул. Перед глазами стояла Ольга Чехова, она же Александра Фадеева. Блин, красивая женщина. Такие не должны быть убийцами. Ладно, такие имеют право из ревности застрелить соперницу или мужа-обманщика! Но уж никак не отравить вагон мальчишек-курсантов!

– Как у тебя-то? – спросил Бедренец мягче.

– Всё нормально, – ответил я.

– Как Настя?

– А что Настя? Тоже нормально. Днюет и ночует на работе. Ты же понимаешь.

– Она хороший, увлечённый сотрудник, но мне казалось, что любовь к тебе для неё важнее, – осторожно сказал Бедренец. – Может быть, это для неё единственная возможность быть рядом с тобой?

Я улыбнулся.

– Если бы даже и так? Неужели ты думаешь, Михаил, что я стал бы жить с мёртвой женщиной, которую когда-то любил?

Старый квази посмотрел мне в глаза. Потом покачал головой.

– Нет, Денис. Ты бы не стал.

Глава вторая. Мёртвые и живые

Санкт-Петербург – город с тяжёлой судьбой. Сколько людей положил в сырую невскую землю Пётр I, одержимый идеей построить в России европейский город, – никто не знает, но считается, что не меньше ста тысяч. Для тех времён цифра чудовищная.

Потом был 1905 год и Кровавое воскресенье.

После была революция и десятки тысяч погибших.

Затем – фашистская блокада и полтора миллиона умерших от голода и холода.

Так что столицей квази Санкт-Петербург стал удивительно естественно. Нельзя сказать, что во время катастрофы он особенно сильно пострадал. Не Киев, в конце концов, где людей осталось процентов двадцать от населения. Но квази стали стекаться в него со всей страны, а живые – уезжать. Без конфликтов, без ссор. Как-то очень спокойно и буднично, будто город ждал этого момента.

– Ну, так зачем ты меня вызвал? – спросил я.

Мы с Михаилом стояли на Банковском мосту, как на мой взгляд – самом красивом в Питере. Мимо шли люди и квази, редкие туристы фотографировались у крылатых львов, традиционно обзывая их грифонами. Львы не обижались, они привыкли.

Мы были одни. Найд ушёл. Убежал к своим знакомым-приятелям, унёсся как ветер, едва ли не вприпрыжку. Его ждали друзья живые и мёртвые, а меня – один лишь только Дранный Лис.

– У меня большие проблемы, – сказал Михаил. – Да, в общем-то, у всех нас... – Он замолчал на миг. – Полгода назад мы предотвратили войну между живыми и квази. Спасибо тебе. Ты наш друг.

Я вздохнул. Полгода назад я позволил Михаилу забрать смертоносный вирусный штамм, способный выборочно уничтожить всё взрослое население мира. Нет, вру. Не позволил забрать. *Сам отдал* оружие, созданное сумасшедшим гением, профессором Виктором Томилиным. Сохранил, так сказать, баланс между живыми и мёртвыми.

– Когда ты умираешь, – сказал я, – то ты этого не чувствуешь, плохо всем вокруг. Примерно то же самое, когда ты тупой.

Михаил несколько мгновений помолчал, глядя на холодную воду канала. Когда квази напряжённо размышляют, то даже самые способные перестают выглядеть живыми. Михаил хотя бы дышал, а некоторые забывают – им не надо делать это так часто, как людям.

– Это смешно, – решил он наконец-то. – Ты хочешь сказать, что, называя тебя другом, я повёл себя как идиот.

– Да.

– Но мы работали вместе. И ты отдал мне вирус, хотя я не стал драться за него.

– Да, – сказал я, глядя в мутноватую от стужи воду.

– Ты вёл себя как друг.

– Я вёл себя как разумный человек. Я вообще чемпион мира по разумным поступкам. Мне не нравится то, каким стал мир. Но и люди, и квази нужны друг другу. Если бы вы все вымерли – мы остались бы наедине с восставшими. На них «чёрная плесень» действует?

Вообще-то я знал ответ. Михаил, полагаю, тоже, но ответил он уклончиво:

– Биологически квази и восставшие почти идентичны.

– Хорошо, остались бы только люди. Но в разрушенном мире, где всё равно постоянно восставали бы покойники. А к тому, что сейчас происходит, мы приспособились.

– Работает – не трогай, – кивнул Михаил. – Разумный вывод. Но ты всё равно наш друг. Мой друг!

Я вздохнул. Если квази что-то себе вбил в голову – то лишить его этого убеждения можно только вместе с головой.

– Так что случилось? – спросил я. – Ты принёс Представителю вирус. Ты должен быть на коне. А у меня сложилось ощущение, что ты... не в фаворе.

– Этот вопрос я проясню позже, – ответил Михаил. – Основная проблема в другом.

Ну вот. Никуда не денешься, я согласился приехать, я встретился с Михаилом, я позволил ему втянуть себя в разговор.

Глупо теперь затыкать уши и напевать «ла-ла-ла».

– И в чём же? – покорно спросил я.

– Появились атипичные восставшие и атипичные квази, – сказал Михаил. – С первыми ты уже знаком.

– Встали слишком быстро, сразу рванулись на охоту, – кивнул я. – А квази?

– За последние две недели зафиксировано четыре случая нападения квази на людей, – сказал Бедренец.

– Удивил, – фыркнул я. – Вот только не надо делать вид, что среди квази не встречаются убийцы.

– Да, – согласился Михаил. – Бывают. Но, видишь ли, раньше не встречалось квази, которые были бы способны... терзать жертву.

Я посмотрел на него. Вопросительно поднял бровь.

Михаил откровенно мялся. Он вдруг даже снял шляпу и пригладил волосы ладонью. И отводил глаза.

– Терзать можно по-разному, – сказал я. – Вот ты сейчас меня терзаешь своими эквивоками. Но мне кажется, что ты имел в виду...

– Да, – сказал Михаил.

– Зубы? – безжалостно уточнил я.

Михаил кивнул.

– Ты хочешь сказать, что какие-то квази нападали на людей и... рвали их зубами... – сказал я. – Верно?

Бедренец опять кивнул.

– И?

– Они... ели, – тихо сказал Михаил.

– Как восставшие? Пожирали людей?

– Не совсем, – пробормотал Михаил. – Они даже не ставили своей целью убить. Две жертвы из трёх выжили... их просто искушали... частично погрызли... шрамы останутся.

– Но каждый раз ваши замечательные вегетарианцы не упускали случая проглотить кусок человеческой плоти.

Михаил кивнул.

В голове у меня мешались отвращение, злость и любопытство. Наверное, мой моральный облик достоин сожаления – любопытства было больше.

Все квази были когда-то кровожадными тупыми восставшими. Все квази возвысились, обрели разум, убив человека и сожрав хотя бы часть его мозга. Это жуткая правда, которую знают немногие.

Но есть вещь, которую знают все, – квази вегетарианцы. Очень строгие, они даже молоко пить не могут. Это действительно правда.

И это то, что позволяет нам сосуществовать с живыми покойниками.

Если выяснится, что квази способны пожирать людей, подобно своим неразумным предшественникам, то начнётся война.

– Рассказывай, – сказал я. – Только давай уйдём куда-нибудь в тепло. Я живой, я озяб.

У квази температура тела выше человеческой. Но холода они не чувствуют. Как сказал однажды Михаил: «Своё отмёрзли».

– Пошли, – кивнул Михаил.

Идти пришлось недалеко. Мы прошли по набережной вдоль канала и на углу с Москательным переулком вошли в дверь старого четырёхэтажного здания. Вроде как в здании располагались университетские корпуса, но за дверью была совершенно не учебная атмосфера – подтянутый вооружённый вахтёр (человек, не квази) за столом, казённая, лишённая уюта атмосфера, белый свет ламп (я уже замечал, что квази больше любят холодный спектр освещения). Здесь Михаила знали, здесь Михаила уважали. Даже вахтёр, при взгляде на которого хотелось остановиться и отдать честь, не стал меня останавливать – протянул было руку за документами, но Бедренец покачал головой и вахтёр не стал спорить.

– Научный центр, – сказал Бедренец. – Небольшой.

– Твой персональный, – добавил я, озираясь, пока мы шли узкими высокими коридорами. Штукатурка потемнела и кое-где отставала, сказывалась близость воды, вечная питерская сырость. Под вытертым линолеумом поскрипывал старый деревянный пол.

– Практически, – не стал спорить Михаил.

Мы зашли в дверь, за которой оказался кабинет – чуть более обжитой, чем другое помещение. Тут хотя бы нашлось место для двух орхидей на подоконнике, усыпанных такими яркими цветами, что они казались пластиковыми. Рядом с окном стоял молодой мужчина-квази, даже не повернувшийся в нашу сторону. Сотрудник, наверное.

– Настоящие, – сказал Михаил, заметив мой взгляд. – Я всем квази советую держать дома орхидеи.

– Потому что они паразиты? – ляпнул я.

– Заблуждение, – ответил Михаил. – Орхидеи – эпифиты. Они используют дерево как опору, а не паразитируют на нём.

Он грузно уселся в кресло, кивнул мне на диванчик, стоящий сбоку от стола, рядом с кулером для воды. Вдохнул:

– Но ход мысли у тебя правильный. Именно поэтому. Я пытаюсь донести до всех квази простую мысль – без живых людей мы вымрем... Аркадий!

Мужчина неторопливо повернулся. При жизни он был молод, не старше двадцати с небольшим. Лицо костлявое, лоб низко скошен, глаза чуть асимметричные, курносый, при этом уши какие-то не по размеру мелкие и оттопыренные. В общем – после смерти он стал выглядеть лучше.

– Аркадий работает аналитиком, – сказал Михаил, не поясняя, аналитиком чего. – Поговорите с ним.

– Рассказывайте, Аркадий, – сказал я, устраиваясь на диванчике поудобнее. Аркадий садиться не стал, просто сделал несколько шагов, вышел на середину комнаты, как ребёнок, готовящийся читать стишок Деду Морозу.

– Пострадавшая – Нелли Селиванова, шестнадцать с половиной лет, – сказал он. – Инцидент произошёл четыре дня назад. Мы не были знакомы. Девушка после школы подрабатывала курьером, она доставила нам почту. Я вышел на вахту, подошёл к ней, забрал конверты, стал расписываться в квитанции. И тут меня... – он запнулся. – Тут со мной что-то произошло. Я наклонился, вероятно, она решила, что я хочу поцеловать руку, но я укусил её в район запястья...

– Стоп! – заорал я. Аркадий послушно замолчал. – Михаил, что за... Что он говорит? Он твой аналитик?

– И по совместительству – одна из жертв, – сказал Михаил.

– Жертва, которая напала на девочку?

Михаил отвёл взгляд. Но ответил твёрдо:

– Он жертва непонятного заболевания. Аркадий, продолжай.

– Я вырвал зубами фрагмент кожи и мышечной ткани, – продолжал Аркадий. – И начал жевать. Мне... мне было вкусно. Я совершенно ни о чём не думал, просто жевал. Девушка

стала кричать, бросилась к двери, я её не удерживал. Она выскочила на улицу и упала. Не потеряла сознание, просто растерялась, была в шоке. Я смотрел на неё и жевал, она смотрела на меня и молчала. Прошло две-три секунды, не больше. Потом меня стошнило. Я стал говорить, успокаивать её, извиняться. Побежал за аптечкой. Девочке стал помогать вахтер, Александр, человек. И Зинаида, сотрудница, квази. Вместе мы перевязали рану. Я проверил оторванный фрагмент мышцы, надеялся, что в больнице смогут пришить, но там всё было разорвано и раздавлено. Мы вызвали скорую помощь. И полицию. Девушку госпитализировали. С меня после допроса взяли подписку о невыезде. Жизнь девушки вне опасности, врачи обещают полное сохранение функциональности конечности. Но останется некрасивый шрам. Я пытался навестить её в больнице, она отказывается от встречи. Это все имеющиеся факты.

Я перевёл взгляд на Михаила. Потом снова посмотрел на Аркадия. Оба квази молчали.

– Зачем ты это сделал? – спросил я.

– Не знаю. В тот момент это показалось мне правильным и естественным. Это походило на кошмарный сон. Или на кратковременное помутнение сознания. Я многократно обдумывал произошедшее, у меня нет никакой рабочей версии.

– Прямо-таки совсем никакой? – уточнил я.

– Признаков отравления или болезни у меня нет, – сказал Аркадий. – Я не находился под чьим-то влиянием, к тому же нет достоверных сведений о гипнабельности квази или возможности психопрограммирования. Никаких разумных, логических доводов к нападению у меня не было. Я не испытывал голода. Тем более что в дальнейшем у меня не возникло стремления есть продукты животного происхождения и, судя по реакции организма, – они по-прежнему являются для меня вредными. Единственное, что я могу предположить... – он заколебался, но всё же продолжил. – Я один из первых квази. Возможно, с течением времени в наших организмах происходит какой-то сбой, который приводит к немотивированной агрессии. В таком случае я лишь первая ласточка.

– Скажи-ка, ласточка, сексуального подтекста в твоём нападении не было? – спросил я. – Молоденькая девушка, расцветающий... э... цветок... агрессия и секс часто связаны.

– Невозможно, – ответил Аркадий. – Я обдумывал этот вариант, но проблема в том, что мне не нравятся женщины. Я гей. Вот вы мне кажетесь очень привлекательным мужчиной.

Я поперхнулся и закашлялся.

Я, кажется, даже покраснел.

Вот уж чего не доводилось слышать!

– Но у меня уже есть постоянный партнёр, квази, – огорчил меня Аркадий. – И сексуальное влечение у нас проявляется куда слабее, чем у людей, – он покачал головой. – Нет, у нас с вами ничего бы не вышло.

– Да твою ж... – простонал я. – Ты ещё что-то можешь сказать?

Аркадий подумал немного.

– Да. Я очень сожалею. Я больше не буду. Если, конечно, это не болезнь.

– А если болезнь?

– Тогда меня необходимо изолировать или уничтожить.

Я снова глянул на Михаила. Тот кивнул Аркадию.

– Спасибо. Ты можешь вернуться к работе. Спасибо за откровенный рассказ.

– Спасибо за доверие, Михаил Иванович, – ответил Аркадий. – До свидания. Я буду у себя в кабинете. До свидания, господин Симонов.

– До свидания... – выдавил я.

А когда дверь за парнем закрылась, уставился на Михаила.

– Что? – спросил тот.

– С ума сошёл? У тебя в помещении разгуливает кровожадный квази!

– Атипичный. Он в норме.

– Сейчас в норме! А когда его снова... накроет?

– Если накроет.

– Исходить надо из «если»!

– Так мне и сказали, когда я не дал его арестовать, – кивнул Михаил. – Но я в ответе за своих сотрудников.

– Поэтому ты и в опале, – сообразил я.

– Да, – признался Михаил. – Мы изучаем проблему, и вдруг мой сотрудник набрасывается на человека. А я же его защищаю. Это не добавило мне популярности.

– Кто ещё нападал на людей? – спросил я.

– Пенсионер, бывший скрипач в оркестре. Там всё печальнее, он напал на собственного правнука, ребёнок скончался. Нападавшего попытался убить его внук, но квази его опередил.

– В каком смысле?

– Взял нож и отрезал себе голову. Мы крепче людей. Мы на такое способны.

Я отметил этот удивительный факт – у людей, если я не ошибаюсь, подобный фокус лишь однажды проделал пьяный поляк. Но он воспользовался бензопилой.

Однако больше меня насторожило другое.

– Что дед самовыпилился – это молодец. Но... снова ребёнок! Третья жертва?

– Взрослый. Там был небольшой конфликт между человеком, туристом с Дальнего Востока, и квази, работавшей в Эрмитаже. Совершенно рядовой конфликт. Турист сфоткал картину со вспышкой. Квази сделала замечание, турист начал оправдываться, что забыл отключить вспышку, инцидент был практически исчерпан... и тут квази на туриста напала. Три укуса в мягкие части ноги.

– В задницу, короче.

– В задницу, – признал Михаил. – Порвала брюки, вырвала клоч мышцы... Квази под домашним арестом, турист в больнице, опасности для жизни нет. Видимо помутнение сознания длится недолго.

– Четвёртый случай?

– Шедший мимо кафе квази остановился и укусил за руку девушку, пьющую кофе на открытой террасе.

– Миша, вы все в... мягких частях, – сказал я. – Да и мы тоже. Есть какая-то связь между всеми агрессивными квази?

– Никакой, – твёрдо сказал Михаил. – Живут в разных местах, не знакомы, никак не связаны. Молодой мужчина-гей, старик, женщина нормальной ориентации, мужчина средних лет нормальной ориентации. Возраст, национальность, профессия, место рождения, время восстания и возвышения – всё разное.

– Признаки воздействия? В первую очередь химия?

– Аркадий же сказал – нет. Покончивший с собой квази был подвергнут всем возможным анализам. Никаких следов.

– Где-то в мире ещё происходило подобное?

Я очень надеялся услышать твёрдое «нет». Это позволило бы свести ситуацию к локальной аномалии. Ну мало ли, Питер... место такое.

– Подтверждённой информации нет, – ответил Михаил. – Европейские и американские коллеги неофициальными путями интересовались примерно тем же самым, что и мы: не было ли последнее время зафиксировано необычных конфликтов между квази и людьми. Либо у них происходит то же самое, либо они получили информацию и пытаются понять, что у нас происходит.

– Лучше уж второе, – резюмировал я. – Если по всему миру квази принялись нападать на людей, то это конец. Но даже если проблема локальна, долго вы информацию в тайне не удержите.

Михаил обречённо кивнул.

– А что про атипичных восставших? – спросил я.

– Отмечаются случаи ускоренного перехода умерших людей в состояние восставших. В одной из больниц восставший поднялся через три минуты после смерти. Во всех случаях восставшие очень быстро переходят в стадию охоты. Ну и... ещё ряд странностей.

– У тебя есть что выпить? – только и сказал я.

К моему удивлению, Михаил открыл ящик стола, достал початую бутылку какого-то незнакомого виски, два стакана. В один плеснул виски, двинулся ко мне.

Я поймал себя на том, что чуть подтянул ноги, готовясь вскочить.

– Я не кусаюсь, – сказал Бедренец.

– Это пока, – едко ответил я, принимая стакан.

Себе Михаил налил воды из кулера. Мы молча чокнулись. Я сделал глоток. Виски был шикарный.

– Да ты разбираешься в напитках, – сказал я, косясь на бутылку. – Зачем он тебе?

– Таких как ты угощать, – Михаил грузно сел рядом. – Денис, я боюсь. Происходит что-то чудовищное.

– То, что ты давно мёртв, но ходишь и разговариваешь – не чудовищно?

– Я не мёртв, – терпеливо произнёс Бедренец. – Я перешёл в иную форму человеческого существования. Мёртв – тот дедушка, что отрезал себе голову, когда понял, что натворил. Мёртв его годовалый правнук. А мы пока живы.

Говорить «надолго ли» я не стал. Меня пронзила другая мысль.

– Найд! Михаил, он же один в городе!

– У нас не расхаживают толпы атипичных квази, – сказал Михаил. – Найд прекрасно знает, что среди нас тоже могут быть убийцы, маньяки, сексуальные насильники, он не испытывает к каждому встречному квази безоговорочного доверия.

– А он знает, что его давнишний приятель-квази может вцепиться в него?

Михаил не ответил.

– Я должен буду предупредить Найда, – сказал я. – Уж извини, но плевать на секретность, ему я это скажу... Михаил, зачем ты меня вызвал? Чем я могу тут помочь?

– Почему ты зовёшь сына Найдом? – внезапно спросил Михаил.

– Я зову его Сашей.

– При нём. А без него называешь Найдом.

– Потому что я не знаю, действительно ли он мой сын, – сказал я. – Ты мог меня обмануть.

– Хорошо, ты мне не веришь, – кивнул Михаил без всякого раздражения или смущения. – Это разумно. Но ты ведь можешь проверить сам...

– Нет.

– Почему?

Вот как объяснить? Тем более что вначале пришлось бы объяснять самому себе. Но я честно подумал и сказал:

– Если я стану выяснять, это будет предательство.

– А может быть, ты боишься узнать, что я действительно тебя обманул, – предположил Михаил.

– Может быть. – Я не стал спорить.

– Поэтому я тебя и вызвал, – сказал квази. – Ты не предатель. Даже если подозреваешь предательство, сам в ответ не предаёшь. И ты хороший полицейский. Ты чуешь. Когда не хватает информации – доверяешься интуиции и не ошибаешься.

Я вздохнул, провёл ладонью по лицу. Надо бы побриться.

– Хорошо, Михаил. Я постараюсь помочь. Я на девяносто девять процентов уверен, что мы не удержим ситуацию. Дрожжи уже попали в сортир, скоро оттуда повалят дурнопахнущие субстанции... Но я буду стараться. С одним условием.

Михаил серьёзно кивнул.

– Ты расскажешь мне всё. Действительно всё, что вы знаете о себе, о восставших, о катастрофе. Во-первых, это надо для дела.

– Бесспорно. Договорились.

– А во-вторых, я хочу понять, кто же вы такие.

Михаил сочувственно поглядел мне в глаза.

– Люди, Денис. Мы обычные люди, только мёртвые. В этом и вся беда.

– Хорошие слова, чтобы закончить разговор, – кивнул я. – Давай, всё-таки, я позвоню. Найду и попрошу его быть аккуратнее. А потом займёмся вагоном с курсантами.

– Считаешь, это как-то связано?

– Враги у меня есть, – я пожал плечами. – Но такие, чтобы ради меня убить толпу молодых ребят? Это либо ради того, чтобы не пустить меня в Питер...

– Либо в отместку за то, что ты отпустил в Питер меня, – уточнил Михаил.

– В любом случае я хочу найти этих подонков, – сказал я. – И надо же с чего-то начать.

Честно говоря, я не отказался бы от ещё одной порции виски. Но Михаил не предлагал, а спрашивать было неудобно. Так что я встал, всем видом изображая бодрость и готовность работать.

– Михаил, есть смысл говорить с четвёртым кусающимся квази? – спросил я.

– Он в коме и не факт, что восстановится, – ответил Михаил. – Рядом оказался добровольный любитель порядка, он применил оружие. Четыре выстрела в голову, даже мы такое не выдерживаем. К тому моменту квази, очевидно, пришёл в себя – он пытался оказать раненой женщине помощь, увидев добровольца, поднял руки и не сопротивлялся, но... Ситуация очень похожая на ту, что стряслась с Аркадием, только рядом оказался полицейский. То есть любитель порядка.

– Тут занервничаешь, – согласился я. Наверное, будь я в Москве, я бы поехал общаться с полицейским. Не потому, что надеялся услышать что-то новое, а просто для порядка. По инструкции. Но ничего бы это не дало. – Михаил, а что с восставшими? Ты сказал про «ещё ряд странностей»?

– Идём, – кивнул Михаил. – Хотя нет... подожди.

Он снова полез в стол, но на этот раз достал не виски, а пистолет. Старенький «ПМ», запасную обойму к нему и листок бумаги. Протянул мне. Я молча взял оружие, посмотрел на бумагу – да, как я и ожидал, это было разрешение на ношение и применение в ходе моей командировки.

Михаил ничего не сказал, я тоже ничего не стал спрашивать, просто спрятал оружие в карман куртки.

Мы вышли из кабинета, прошли по коридору, в конце него Михаил отпёр металлическую решетчатую дверь, мы завернули – планировка тут была запутанная, как в любом старом и многократно перестраиваемом здании. Ещё одна металлическая дверь... Я занервничал.

– Не хочешь ли ты сказать...

– Да, нескольких мы держим здесь, – кивнул Бедронец.

Даже для Питера это было чересчур. Но я не стал ничего говорить. Мы вошли в просторную комнату без окон, перегороденную пополам решёткой. С нашей стороны решётку закрывала ещё и мелкая сетка рабица.

За решёткой топтались двое восставших, при жизни – мужчины средних лет. Один выглядел обычным – серовато-зеленоватая кожа, пустой расфокусированный взгляд, бессмысленно-расслабленное лицо. Он был переодет в просторные шорты и футболку, уже изрядно

замусоленные и надорванные. А вот второй был странным. Его восставший из мёртвых организм восстановил ткани, но как-то частично. Он был очень худой, кожа казалась дряблой, при движениях кости едва не прорывали её. Вообще кости были самой заметной частью его тела, всё остальное толком не заслуживало внимания. Этого даже не сочли нужным одеть.

– Странный какой, – сказал я. – Останови их, Михаил, хочу разглядеть получше.

Восставшие при моём появлении возбудились, двинулись к решётке. Первый сразу сообщил, что она не поддастся и принялся водить по сетке руками. Глаза его дёргались, неуверенно отслеживая мои движения.

А вот второй был совсем туп. Он шёл вперёд, наткнулся на решётку, отшатнулся, сдвинулся чуть в сторону и снова повторял попытку пройти сквозь преграду.

– Этот вообще кретин, – заметил я. – Михаил, да прикажи им стоять на месте!

– Не могу, – ответил Бедронец.

– Почему? – удивился я. – Надо их разглядеть получше.

– Ты не понял. Не «не хочу». Не могу.

Я глянул на Михаила. Тот кивнул.

– Да-да. Ты не ослышался. Я их не чувствую. И они меня. Не повинуются, не реагируют.

Более того, пытаются нападать, как на любой движущийся объект.

– Много таких? – шёпотом спросил я.

– На данный момент таким восстаёт каждый сотысячный. Примерно.

– Процент растёт?

– Да, – признался Бедронец.

– Плохо-плохо-плохо, – пробормотал я. Господи, да что же творится такое! Мало с нас квази, которые принялись грызть людей. Ещё и восставшие, не слушающиеся квази, появились!

– Это не просто плохо, это катастрофа, – согласился Михаил. – И это ещё не всё. Ты не зря обратил внимание на дистрофичного восставшего. Он не свежий.

– То есть?

– Он выбрался из старой могилы. Периода до Катастрофы.

Вначале я подумал, что он шутит.

Михаил ведь почти умеет это делать. Может у него и нет чувства юмора (известен лишь один эстрадный артист-квази, но он и при жизни был профессиональным юмористом, и после смерти продолжал шутить – так же плохо, впрочем), но Михаил старается.

Я представил, как на Земле воплощается старый клип Майкла Джексона «Триллер» – и по всем кладбищам начинают подниматься мертвецы...

– Случай на самом деле уникальный, – сказал Михаил, видимо сообразив, о чём я думаю. – Нам его доставили с Таймыра. Имя установить не удалось, документов не было, но человек, очевидно, замёрз в конце девяностых – начале двухтысячных.

– Как выяснили? – спросил я, глядя на неутомимо шагающего «в решётку» восставшего.

– У него с собой был пейджер.

– Ах ты ж бедняга, – посочувствовал я. – Но четверть века...

– Он вмерз в глыбу льда.

– Ну прямо капитан Америка, – сказал я. – Понятно. Замёрз, потом растаял и вирус подействовал на мёртвые клетки, будто на только что умершие.

– Нет. Он находился внутри ледяной глыбы, когда его нашли. Парня прямо во льду и привезли в Питер. Честно говоря, у нас был план его аккуратно разморозить – вдруг оживёт? Но он вдруг открыл глаза и начал подёргиваться прямо внутри ледяной глыбы.

– Значит, вирус существовал и раньше?

Михаил вздохнул.

– Никто и никогда не находил никакого вируса, поднимающего мертвецов. Мы не знаем, почему покойники встают. И уж тем более непонятно, какой вирус мог подействовать на замороженное тело в толще льда. Вирусу тоже надо размножаться, распространяться по организму, он использует живые клетки. Мёртвые, в том числе и замороженные, с разорванными органеллами, для вируса бесполезны.

– Что возвращает нас к тому, почему мёртвые встают, – кивнул я.

– А также почему восставшие обретают разум, почему время поднятия мёртвых ускорилось, почему некоторые квази становятся агрессивными, почему некоторые восставшие не подчиняются квази.

– Я не знаю, за что зацепиться, – признался я. – Я в чужом городе. Ты, как я понимаю, изрядно урезан в правах. Если учёные не смогли понять механизмы восстания мёртвых – я-то что могу поделать?

– Кто-то настолько хотел тебя убить, что отравил целый вагон, – напомнил Михаил. – У нас есть ниточка.

– Фадеева-Чехова, – вздохнул я. – Будем проверять всех женщин, любящих великую русскую литературу? Или всех актрис? О, понял! Всех с писательскими фамилиями. Жалко, что в русской литературе было так много Ивановых...

Мы вышли из комнаты, оставив восставших пускать слюни у решётки. Ну, в фигуральном смысле, конечно. Слюнные железы у восставших практически не функционируют.

– Придумай что-нибудь, – попросил Михаил. – Напрягись. Ты же можешь. Ты живой.

Что-то было в его голосе необычное. Мы шли по коридору, возвращаясь к унылому кабинету с кулером и двумя орхидеями, которые не паразиты, а эпифиты... Я искоса всматривался в Михаила, в его сероватое старое лицо, погружённый в себя взгляд...

Да он же в панике! Он хватается за соломинку, и эта соломинка – майор Симонов.

– Внешность я описал, всё рассказал. Ваши её и так ищут, – я пожал плечами.

– Внешность, тем более у женщины, – вещь переменчивая, – вздохнул Михаил. – Надо найти раньше, чем наши. Напрягись.

– Красивая, держалась хорошо. Если честно, то всё-таки не думаю, что она причастна к убийству – у неё была возможность пырнуть меня ножом или толкнуть в руки восставших.

– Значит, точно красивая, раз защищаешь, – решил Михаил. – И не боялась восставших?

– Ну, вскрикнула разок. А так очень собранная была, говорила разумно. Один раз что-то заговариваться стала.

– Ну-ка? – заинтересовался Михаил.

Мы вошли в кабинет, я сел на прежнее место. Поморщился, вспоминая.

– Я пошутил, что на «скорой» работал и там мачете спёр. А потом, когда предложил вагон изолировать, чтобы в Питере квази взяли кадавров под контроль, она спросила – правда ли на «скорой помощи» работал? Я отвечаю, что вроде как на врача не похож. А она какую-то ерунду сказала. Мальчиком меня назвала. И про переулки что-то. Мол, может, мальчик, может, в переулке...

– В улке, – сказал Михаил.

Я повспоминал немного.

– Ну да. Но такого слова нет.

– Есть, Денис. «Кадаврами» врачи «скорой» всегда называли мёртвых. «Мальчиком» звали водителя «скорой помощи». «Улка» – бригада «скорой», работающая на улицах, там обычно нет врача, только опытный подготовленный фельдшер. На врача ты и впрямь не похож, а вот фельдшер из тебя бы вышел. Или водитель.

Можно было сказать, что Михаил оживает прямо на глазах, вот только каламбур выходил уж больно дурацкий.

– Молодец, Денис. Услышав от тебя слово «кадавр», твоя спутница не удержалась от реплики. Судя по знанию сленга, она имеет отношение к «скорой помощи».

– Ты-то откуда знаешь? – поразился я.

– У меня жена была врачом «скорой помощи», – пояснил Михаил. – Пошли! У нас есть ниточка!

– Так может у неё муж – врач «скорой помощи»? – пробормотал я, вставая. – А зачем идти? Интернет отменили?

– За это помещение я спокоен, – ответил Михаил. – А вот за интернет – ни в малейшей мере.

Скорее по инерции я всё же продолжил спорить, идя за старым квази.

– Ну и смысл? Если следят, то стоит нам куда-то зайти – поймут, чего искали.

– Поймут, – согласился Михаил. – Но мы к тому моменту будем впереди. На полшага. Но иногда полшага – это очень много.

Первый квази, которого я увидел в своей жизни, сидел на броне танка и ел перловую кашу из железной миски.

Меня подобрали в пяти километрах от Мкада. Тогда аббревиатура «Московская Кольцевая Автодорога» ещё не превратилась в короткое ёмкое слово, обозначающее и защитный рубеж, и границу, и транспортную магистраль. Сейчас дети, играя, могут начертить перед собой линию на земле и закричать: «У меня Мкад, ты в меня не попал!» Тогда же защитные сооружения только строились, а охраняла мегаполис армия, полиция и добровольцы.

В те дни поток беженцев, стекающих к городам (вперемежку с восставшими, которые на них охотились и рефлексивно или к скоплениям людей), был так велик, что никто со спасёнными не сюсюкал. Никаких психологов, никаких центров реабилитации. Несколько замученных, спящих на ходу врачей, которые в основном проверяли, нет ли на теле спасённых укусов – тогда ещё считали, что укушенный может умереть и превратиться в восставшего.

Меня осмотрели и покормили – сунули в руки пакет чипсов и банку рыбных консервов. Спросили, служил ли в армии, умею ли стрелять, доводилось ли уже убивать восставших. И отправили к временному штабу: большой военной палатке на парковке у строительного гипермаркета. Почему военные не использовали здания и склады вокруг – не знаю. Наверное, какие-то правила.

Возле палатки стояли два танка. У одного люки были задраены. У второго открыты. На башне, возле открытого люка, сидел молодой мужчина в военной форме с серовато-синим лицом и ел из миски кашу.

Я оторопел. Я остановился, глядя на восставшего. Нет, он был какой-то не такой, как остальные. И взгляд был разумный, и вёл он себя как человек. Но цвет кожи... и какой-то общий странный вид... от него будто веяло чем-то нездешним, неправильным.

– Трупак! – сказал я пробежавшему мимо сержанту. – Трупак же!

Тогда это слово было в ходу. Сейчас за него банят в социальных сетях, и вообще лучше выматериться, чем такое сказать.

– Это не трупак, – укоризненно сказал мне сержант. Остановился, утёр пот со лба, достал сигареты. Видимо, рад был возможности поговорить и передохнуть. – Это лейтёха наш, Серёга Ларичев. Ходил с группой на рекогносцировку. Напали трупак, ребят порвали... Лейтенант как-то отбился, сам в беспмятстве был. Заразился этой дрянью. Но видишь – переболел, пришёл в себя, вышел к нам. Когда организм могучий и воля к жизни велика – никакая зараза тебя не возьмёт.

– Он трупак, – упрямо сказал я. – Вы не понимаете. Я их видел. От смерти не выздоравливают.

Сержант вздохнул. Повернулся к сидящему на танке серокожему человеку. Крикнул:

– *Товарищ лейтенант! Что ж вы кашу пустую едите? Может вам тушёнки притащить?*

Лейтенант резко покачал головой. Сказал суховатым безэмоциональным голосом:

– *Спасибо, боец. После того, что видел, меня на тушёнку не тянет.*

И продолжил есть кашу.

Сержант подмигнул мне. Видимо, отвращение спасшегося лейтенанта к мясу было уже известным фактом.

– *Может он и говорит,* – *сказал я, глядя на лейтенанта. – И мясо не ест. Только это трупак.*

Я пошёл к штабу, стараясь держать лейтенанта на танке в поле зрения. Не было у меня доверия к этому «переболевшему». Трупак он и есть трупак, я их нутром чую.

Квази-людьми их начали называть только через пару недель. А потом – просто квази.

Я был уверен, что Михаил поведёт меня в какой-то центр квази по учёту населения. Или в управление здравоохранения – есть же здесь живые люди, значит, есть и больницы, и «скорая помощь». А как ещё искать «красивую женщину, предположительно работавшую на «скорой»? »?

Но мы, неспешно прогулявшись по центру – мне показалось, что Михаил пытался отследить шпигов и вёл меня не самым прямым маршрутом, прошли по набережной Фонтанки, перешли через мост Белинского и через полчаса оказались в Басковом переулке, возле жилого дома номер 12.

Обычный старый питерский дом, которому лет полтора. Ну то есть в Москве он стал бы украшением улицы и все восхищались бы тем, какой он дряхлый и облезший, какие у него разные по форме окна, какой красивый подъезд, простите – парадное, жаль, что решёткой перекрыто и надо входить через дверь для прислуги, радовались бы, что ни коммунисты, ни капиталисты по какой-то удивительной причине дом не снесли.

А в Питере таких домов в три этажа – хоть на завтрак ешь.

– Басков – в честь певца? – блеснул я эрудицией.

– Нет, в честь народа в Испании, – ответил Михаил. – В царское время тут находилось их консульство, пока большевики в угоду дружественному испанскому правительству не разорвали с басками отношения.

Всё-таки у квази очень плохо с чувством юмора. Я-то пошутил про Баскова, а он мне в ответ начал историческую лекцию читать.

Мы вошли в подъезд – тут был домофон, но, видимо, в городе квази отпала нужда держать подъезды запертыми. Да и впрямь, зачем? Алкоголь они не пьют, сексом практически не занимаются, пишут очень редко. Вот и отпали три основные причины, по которым живые люди заходят в чужие подъезды.

Поднявшись на второй этаж (подъезд был на удивление светлый, чистенький, подремонтированный), мы остановились перед одной из квартир. Михаил почему-то проигнорировал кнопку звонка и негромко постучал.

Секунд через десять дверь открылась, и мы увидели хозяина – высокого седовласого старика в безукоризненно выглаженных чёрных брюках и белой рубашке. Я даже скользнул взглядом по ногам, но напрашивающихся лакированных туфель не обнаружил, вместо них были старые шлёпанцы. При виде Михаила старик доброжелательно улыбнулся, но на меня посмотрел строго, изучающе.

Я обратил внимание, что звука отпираемого замка не было. Михаил, как выяснилось, тоже.

– Аристарх Ипатьевич, – с укоризной сказал Бедренец. – Вы опять не закрываете дверь!

– Михаил Иванович! – с достоинством ответил старик. – Не приучен я двери закрывать. Не стоит обо мне беспокоиться.

– Отнюдь не о вас я беспокоюсь, но о ваших соседях, – твёрдо сказал Бедренец. – Здоровье ваше хорошее, однако внезапный сердечный приступ никого не щадит. А что как восстанете и пойдёте по соседям пировать?

– Вы зря подозреваете меня в безрассудстве, – старик поднял тощую руку и продемонстрировал выглядывающий из-под манжеты рубашки (безукоризненно чистой, но уже застиранной, лохматящейся нитками) браслет «мёртвой руки». – Умру – сразу же пойдёт сигнал в органы... – Аристарх Ипатьевич посмотрел на меня и уточнил: – К его коллегам!

– Откуда такой вывод? – восхитился я.

– Я старый диссидент, – с гордостью сообщил старик. – Мне ли не знать вашего брата?

– Стрижка, выправка и характерный взгляд... – пояснил Бедренец. – Мы так и будем стоять на пороге?

– Входите, прошу, – старик сделал шаг в сторону. – Вы сами, Михаил Иванович, набросились на меня с претензиями! Поэтому обвинения в негостеприимстве я отвергаю!

Квартира Аристарха Ипатьевича совершеннейшим образом отвечала моим представлениям о жилище старого питерского интеллигента и диссидента. Была она слегка запущена, перегружена старыми книжными шкафами и поставленными одна на другую книжными полками. Узкий коридор (разумеется, тоже уставленный полками) вёл в единственную комнату, где стояли книжные шкафы, узкая кровать (так и подмывало её назвать койкой) и половинка письменного стола. Да-да, именно половинка – стол был древним и изначально столь огромным, что для этой комнаты оказался велик. Так что стол распилили пополам, доведя до нормального офисного размера и с той стороны, где не было ножек, прикрутили металлическими скобами к книжному шкафу. На столе стоял какой-то древний компьютер со здоровенным системным блоком, я даже затруднился опознать его возраст. Умели же раньше делать технику, не то что сейчас.

При нехватке метража квартира имела великолепную кубатуру, поскольку потолки были высотой метров в пять, как и положено в старом питерском доме. На месте Аристарха Ипатьевича я бы как минимум мезонин тут организовал. Правда пришлось бы куда-то девать огромную хрустальную люстру, свисающую с потолка на цепи.

Люстре было лет полтора как минимум. Наверное, изначально в ней горели свечи.

– Присаживайтесь! – Старик гостеприимно указал на свою кровать.

Мы с Михаилом чинно сели рядом. Я решил называть ночное пристанище Аристарха Ипатьевича всё-таки койкой, а не кроватью – уж больно твёрдая, будто не матрас, а голые доски.

Сам хозяин сел на единственный стул в комнате, прочный, с высокой прямой спинкой. Вопросительно посмотрел на нас.

– Даже чайку не предложите? – спросил Михаил.

– Вам-то уже поздно чаи гонять, – ворчливо ответил старик. – Воды могу налить. Из-под крана, не обессудьте.

Да, что-то это не походило на дружеский приём.

– Аристарх Ипатьевич, я был не прав, – неожиданно сказал Бедренец.

Старик удивлённо приподнял одну бровь. Поглядел на квази, будто ожидал, что тот сейчас демонически рассмеётся.

– Дранный Лис признал ошибку?

– Иногда я умею это делать, – уклончиво сказал Бедренец.

– И? – уточнил старик.

– Ваша идея о реорганизации системы «скорой помощи» была совершенно справедлива. Квази включены в состав каждой бригады в обязательном порядке. Это позволило сократить число безвозвратно погибших до одного-двух случаев в год.

– И стоило ли спорить? – спросил старик, картинно разведя руками. Вдохнул. – Что ж мы тут сидим? Идёмте пить чай. У меня есть замечательный владивостокский мармелад. Даже вам его можно, Михаил Иванович! Он без желатина, на агар-агаре, совершенно, знаете ли, веганский, как молодёжь говорит. И чай у меня особый, с травами, сам собирал прошлым летом.

Вскоре мы уже сидели на кухне, которая была едва ли не просторнее комнаты и пили «особый» чай с «веганским» мармеладом. Мармелад мне действительно понравился, особенно ананасовый с кунжутом (откуда же они на Дальнем Востоке ананасы берут? Из Китая, вероятно). А вот чай был слишком странный. Не люблю, если честно, все эти удивительные домашние сборы, которые у нас так любят. «Ах, чай с чабрецом! Чай с мятой! Со смородиновым листом! С берёзовыми почками! С апельсиновыми корочками, чистый бергамот!»

Чай – он сам по себе хорош. Он должен быть чистый. Хоть чёрный, хоть зелёный.

Но я пил и нахваливал, как из желания порадовать пожилого хозяина, так и из более низменных соображений – получить от него помощь.

Чай, кстати, был в гранёных стаканах, «одетых» в почерневшие серебряные подстаканники. Это вполне подходило и хозяину, и квартире. Как и сливочное масло, которое плавало в банке, наполненной водой – холодильника в квартире вообще не было.

Интересный человек, что говорить. Практически ушедшая натура.

– Маловероятно, Михаил Иванович, что вы с приятелем зашли ко мне выпить чая и признать давнишнюю ошибку, – разлив чай по второму кругу, произнёс старик. – Что вас интересует?

– Мы ищем женщину, которая, предположительно, работала на «скорой».

Я с удивлением посмотрел на Бедренца. Он что, всерьёз? Аристарх Ипатьевич, похоже, к скорой медицинской помощи имел самое непосредственное отношение. Но даже если наша догадка верна, и женщина имела отношение именно к питерской «скорой» – как дедушка её опознает?

– Память у меня уже не та, – сказал старик.

Бедренец хмыкнул.

– Давайте фото, – продолжил Аристарх Ипатьевич.

– Фото нет, есть фоторобот. – Бедренец достал из пиджака и протянул старику распечатку. Я и сам ещё не видел окончательного результата своей получасовой работы со специалистом по созданию фотороботов. Нет, то, что получилось на экране ноутбука, и впрямь очень на неё походило, но любой подобный портрет теперь обрабатывается специальными программами, которые устраняют слишком маловероятные сочетания губ – глаз – ушей, подгоняют первоначальный вариант к типовой человеческой внешности.

Я привстал и посмотрел на распечатку. Фоторобот и впрямь впечатлял. Моя случайная знакомая и, как ни жалко это понимать, безжалостная убийца выглядела как живая. Программа превратила её портрет в реалистичное фото, хоть в паспорт вклеивай...

Стоп, а зачем же тогда мы пришли? В базах данных есть фотографии всех живых граждан... да и неживых тоже. Запусти сравнение – и тебе выбросит сотню наиболее подходящих кандидатов с процентным указанием вероятности совпадения.

– А как же ваши компьютеры? – насмешливо спросил Аристарх Ипатьевич, беря фотографию.

– Пока совпадений нет. Возможно, старые базы, сейчас первую выборку проверяют вручную.

– Живая хоть? – спросил старик.

– Без сомнения, – ответил я, вспомнив её прохладную руку.

Старик отставил плотный листок бумаги на расстояние вытянутой руки и некоторое время всматривался в него. Очки, надо полагать, он считал такой же новомодной забавой, как и холодильник. Удивительно, что компьютер у него стоит на столе, арифмометр или абак были бы уместнее.

– Ну как? – спросил Бедренец.

– Любуюсь, – сказал Аристарх Ипатьевич. – Красивая, зараза. И раньше-то была хороша, а как в зрелость вошла – совсем похорошела. Только рыжие волосы ей не идут. И скулы не её, татарча-татарчой выглядит. Маскировалась, может быть? Что она...

Тут он замолчал и впервые посмотрел на Бедренца с удивлением и даже испугом.

– Да, курсанты, – сказал Бедренец. – Нет, точно мы не знаем, но имеем серьёзные основания подозревать.

– Маша Белинская, – продолжая смотреть на фотку, сказал Аристарх Ипатьевич. – Родилась в одна тысяча девятьсот девяносто втором году. Мать врач-гинеколог, отец – капитан... вначале ВМФ, потом круизный теплоход по Неве водил. Маша совместила родительские мечты. В две тысячи восемнадцатом закончила военно-медицинскую академию имени Кирова. Красный диплом, самые лучшие отзывы. Два года отработала на «скорой», объясняла это желанием лучше научиться неотложной помощи. Потом ушла в клинику, но через год вернулась. После Катастрофы исчезла. Я полагал, что она мертва.

– Вы уверены? – спросил я.

Ответил мне Бедренец.

– Ты не представляешь, какая у Аристарха Ипатьевича память. И какие способности к анализу. И разум в целом.

– Да что разум... – Аристарх Ипатьевич махнул рукой. – Пытаюсь просчитать, по какому принципу закрепляются доминирующие черты личности у квази... И ничего не выходит. Принцип-то понятен, но всё равно детали ускользают. Так и не пойму, кем возвышусь после смерти.

– А вы намерены? – спросил я. – Ой, простите, некорректный вопрос.

– Намерен, – просто ответил старик.

Бедренец кашлянул, привлекая внимание.

– Что вы можете сказать о Марии Белинской? Разумеется, сейчас мы поднимем все имеющиеся документы, но вы же знали её лично.

– Поверхностно. Как и несколько тысяч других молодых врачей. – Аристарх Ипатьевич помедлил. – Умная, красивая. Целеустремлённая. Любила классическую музыку и русскую литературу. При этом не домашняя девочка, характер имелся.

– Да уж, – не удержался я.

– Очень доброжелательная, всегда готовая помочь, – продолжал старик. – Не допускаю даже мысли, что она могла бы хладнокровно убить несколько ни в чём не повинных людей. Даже понимая, что те восстанут.

– Люди меняются, – заметил Бедренец. – Это только мы, квази, закоренелые и неизменные.

– Нет, нет и нет, – твёрдо сказал Аристарх Ипатьевич. – Я не сомневаюсь, что на фотографии именно она. Но я не допускаю и мысли, что она пошла бы на массовое убийство. Она стала врачом исключительно из желания помогать людям. Понимаете? Для неё клятва Гиппократова не была смешным набором слов из древности. Наверное, она смогла бы убить преступника, чтобы спасти жизнь других людей. Но только преступника и только защищая других. Если вы считаете, что она причастна к убийству – вы ошибаетесь.

– Спасибо. – Бедренец встал. – Тогда мы пойдём, с вашего позволения.

– Позвольте проводить вас до двери. – Аристарх Ипатьевич не стал нас задерживать.

Мы вышли, церемонно попрощались – при этом никаких ритуальных предложений «заходить» не последовало, Аристарх Ипатьевич явно понимал, что наш визит был деловым, а не вызван интересом к его персоне.

Уже внизу в парадном я сказал:

– Интересный дядька. Врач?

– Бюрократ. Чиновник от медицины. Но весьма правильный.

– Такие тоже нужны, – я пожал плечами. – Жаль, редко встречаются. Так что теперь? Будем искать Машу Белинскую, пока у нас есть фора по времени?

– Форы, можно сказать, нет. – Бедренец достал телефон. – Я должен сообщить, что мы выяснили имя подозреваемой.

– И потеряем преимущество, которое получили, – вздохнул я.

– С какой стати? Если Аристарх Ипатьевич сказал, что Мария Белинская не способна на массовое убийство – значит, она неспособна. Либо она никак не причастна к происходящему, либо причастна, но не убивала. В любом случае я выполню свой долг – сообщу её имя. А уж если кто-то зря потратит время на её поиски, моей вины в том нет.

– Ты так доверяешь мнению этого управленца? – поразился я. – Но тогда что нам искать, концов больше никаких нет.

– Ошибаешься, – сказал Бедренец. – Утром будут нам концы.

Но прояснять свою мысль не стал.

Глава третья. Думы о былом

Вечерний Питер стал ещё наряднее и одновременно неуютнее. Виной тому, конечно, была погода – угораздило же Петра I выбрать под столицу империи место с самым гнилым климатом. Но местные, конечно, этого не замечали. Не только квази, с них-то какой спрос, они к погоде неприхотливы. Но и живые жители города на Неве на сырость, ветер и низкие тучи не реагировали. Многие шли в рубашках с короткими рукавами, некоторые в бриджах. Повсюду раскрыли зонтики уличные кафе, где, правда, всё-таки светились инфракрасные грелки, играла живая музыка, звучал смех. На Невском, где мы с Найдом договорились встретиться, вообще было не протолкнуться. На каждом углу выступали какие-то самодеятельные актёры, фокусники, прочие массовики-затейники. У отеля «Рэдиссон» двое молодых квази виртуозно играли на баяне и балалайке старые хиты Queen и Beatles – никогда бы не подумал, что классическая музыка так хорошо звучит в русской аранжировке. Живой парень подыгрывал им на деревянной дудочке, а старенький лупоглазый квази играл на гитаре и пел. Не сразу, но я заметил, что ни у одного из выступающих не стояло рядом шляпы или коробки для денег. Прямо коммунизм какой-то. Солнечный город, блин, уже второй раз с утра вспомнился! Но квази ведь тоже надо питаться, одеваться, жильё оплачивать, у них есть свои увлечения, которые стоят денег...

Потом я увидел, что временами то один, то другой зритель поднимал мобильник, на миг направлял на музыкантов, нажимал на экран, – и успокоился. Нет, питерские квази не освоили искусство жить без денег. Они просто принимали в оплату электронные деньги.

Найд провёл весь день с друзьями-квази, и волноваться о нём в нормальной ситуации не стоило бы. Но этой ночью мы едва не стали жертвой террористов, я узнал про «атипичных» квази, которые не прочь вновь полакомиться человеческой плотью, а ещё выяснил, что иногда восстают совсем уж древние покойники. А Питер – он же весь на костях! Это огромное кладбище, гекатомба. Если начнут вылезать...

Да нет, не начнут. Все эти жертвы великих строек, революций, войны – они уже давно стали землёй и травой, вернулись в круговорот веществ в природе, как пишут в учебниках. Если что и есть – голые кости в земле. Ведь кости же не могут вылезти? Они рассыпятся. Мёртвые восстают, а скелеты не могут, у них нет никаких мышц, даже мёртвых, они только в мультиках весело пляшут и клацают зубами.

Несмотря на холод, меня пробил пот. Кто знает, на самом-то деле, что возможно в нашем безумном мире? Когда-то мы решили, что дело в вирусе. Нас приучило к этому кино, которое так любили снимать про оживших мертвецов в конце двадцатого и начале двадцать первого века. Может мы, люди, потому и выжили, что смотрели эти дурацкие фильмы и знали, как вести себя с восставшими.

Но потом выяснилось, что вируса никакого нет. И почему наши мёртвые стали подниматься и почему к ним вновь возвращается разум – никто не знает до сих пор.

Может быть, тут объяснение не научное? А мистическое, даже религиозное? И тогда не надо ждать никакой логики в происходящем – завтра из земли полезут кости, соберутся в потрёпанные скелеты, немножко поспорив, где чей позвонок, и пойдут гулять по питерским улицам.

Я покачал головой.

Бред и суеверия!

Даже если законы биологии полетели под откос, законы физики никто не отменял. Хэллоуин отменяется, скелетов не завезли.

Кстати, Хэллоуин, наверное, тут отмечают весело, с размахом...

Я тоже поднял мобильник, навёл на баяниста – на экране отобразилась четвёрка мультяшных скелетов, карикатурно напоминающая великую ливерпульскую четвёрку. Скелеты,

совсем как в моих мрачных фантазиях, наигрывали на гитарах и колотили по барабанам. Ниже были стандартные кнопки «доната». Я скинул на счёт музыкантов минимальную сумму – не так уж и на много я их наслушал. Музыканты тем временем отошли в сторону, баянист и бала-лаечник закурили, лупоглазый музыкант стал им за это выговаривать, те отшучивались.

Я вдруг вспомнил, как Настя позвала меня на концерт знаменитого питерского рок-музыканта. Уже после того, как восстала и возвысилась. Музыкант тоже был квази, что, по слухам, резко повысило качество его новых альбомов. Я отказался, конечно. Объяснил, что видеть мертвецов мне приходится по службе, а вот слушать их или нет – это уже мой личный выбор.

Грубо, конечно. Но зато честно.

Квартет уличных музыкантов сменил одинокий пожилой мужчина с гитарой. С улыбкой посмотрел на публику, коснулся струн, запел:

– Каменных рек Пангеи не взять рукой,
Выбор простой: или пан, или мёртвый груз,
Рви свою шкуру, но вспомни, кто ты такой –
Забывай её, забывай её.
Все твои сны – лишь пыль в её кулачке,
Верность своим игрушкам – черта людей,
Здесь же особый случай – жизнь налегке,
Забывай её, забывай её...

Вот уж проблема – забывать. Поэты тем и отличаются от нормальных людей, что выдумывают себе страдания на ровном месте. В жизни и реальных страданий хватает, чтобы их лелеять и пестовать...

– Сам себе загадай, сам себе ответь,
Нужен ли опыт смерти твоей душе.
Даже такая жизнь веселей, чем смерть –
Забывай её, забывай её.
Ты заслужил сполна все сто лет без бед,
А песни бывают с кровью, как и бифштекс –
Вспомни, что небо держится на тебе,
Забывай её, забывай её...²

Я развернулся и, мстительно не заплатив музыканту, двинулся к театру Ленсовета, где Найд предложил встретиться.

Честно говоря, я не воспринял всерьёз его слова о том, что он пойдёт в театр. Но, к моему удивлению, Найд действительно вышел из театра с толпой зрителей.

Он был не один. А с девочкой, выглядящей чуть младше него.

С белокурой мёртвой девочкой.

Ой, как плохо-то...

– Здравствуйте, – сказала девочка, глядя на меня.

– Привет! – ответил я, проглотив чуть не выскочившие слова «подростающее поколение». Это поколение никогда не подрастёт. Девочка стала квази лет в двенадцать и столько же лет пребывает в этом состоянии.

– Я Вероника. Мы с Сашкой дружим.

Я кивнул. Найд тоже внимательно смотрел на меня, изучал реакцию.

² Медведев О., Кайнозой.

– Давайте уйдём с дороги? – предложил я. – А то как три тополя... Что смотрели?

– Мы ходили на «Макбет», – ответила Вероника.

– О! – поразился я. – Классика. Серьёзная вещь. Неужели понравилось?

Найд насупился, а девочка-квази улыбнулась:

– Ну, вы же знаете, мне двадцать четыре года.

– Знаю, – сказал я, помедлив. Мы медленно шли в сторону Владимирского собора.

– Вы, наверное, хотите спросить, понимаю ли я серьёзные, недетские вещи, – беспощадно сказала Вероника. – Понимаю. У меня всё довольно сложно, я с одной стороны девочка и всегда ею останусь, а с другой – взрослая женщина. Квази-женщина. Я очень любила театр, когда была живой, – это осталось.

Я глянул на Найда. Тот шёл молча, глядя перед собой.

– Мы с Сашей хорошие друзья, – продолжала Вероника. – Но он должен был понять. Он меня звал в кино на «Звёздные войны». А я настояла, что пойдём на «Макбета».

– Дура, – сказал Найд резко. – Я расту. И скоро сам захочу на «Макбета», и на «Отелло», и на всё остальное. Мне и сейчас понравилось, если хочешь знать. А через год... ну или через пять...

– Ты будешь взрослый парень и будешь дружить со своей ровесницей, – сказала Вероника. – Вы станете расти вместе. Ну, или она будет квази, но всё равно она будет взрослая, с вот такими вот сиськами и попой!

Вероника показала на себе и рассмеялась.

– Не нужно мне, чтобы с такими сиськами, – твёрдо сказал Найд, но чуть покраснел.

– А это уже будет болезнь, если не нужно, – строго сказала Вероника. – Сашка. Ты чудесный, мы с тобой были друзьями, ими и останемся. Ладно?

Найд молчал. Тогда Вероника добавила:

– Парень у меня есть.

– Кто? – воскликнул Найд, остановившись как вкопанный.

– Мишка.

– Который квази? – Найд показал рукой что-то на уровне своего носа.

– Ну да, – ответила Вероника. – Мы с ним взрослые квази. В детских телах.

– Это неправильно, – сказал Найд, глядя себе под ноги.

Нас уже обходили со всех сторон, мы стояли прямо посреди тротуара. Но обходили очень вежливо, интеллигентно, даже матерились шёпотом, себе под нос. Питер всё-таки, культура!

– Только это и правильно, Саша, – сказала Вероника, положила руку ему на плечо и чмокнула в лоб. И это было движение взрослой женщины, а не девочки-подростка. – Я пойду сейчас. Но мы обязательно сходим на «Звёздные войны», я их обожаю!

Мы некоторое время постояли, глядя ей вслед. Найд держался, только губы у него чуть дрожали.

– Так оно и бывает, сын, – сказал я.

– Мы так хорошо провели день! – резко сказал Найд.

– Потому что вы друзья. Идём. Нам ещё надо перекусить где-нибудь.

– Я не хочу есть! – воскликнул Найд с прорывающимся в голосе трагизмом. – Я вообще не буду есть!

– Тогда посидишь рядом, пока я поем, – сказал я. – Меня столько раз девушки бросали, что если бы я каждый раз переставал есть – уже весил бы отрицательную массу. Минус пятнадцать – двадцать килограммов.

– Она вовсе мне не девушка, мы друзья, – убеждённо сказал Найд. – Она глупости говорит. Я вовсе не планировал с ней романтических отношений.

– Значит, она об этом думала, – утешил я его. – Посмотрела, как ты вырос, и решила на всякий случай отшить. Женщины!

Найд, насупившись, смотрел на меня. Потом кивнул:

– Давай поедим. Я хочу мяса.

Есть мясо мы пошли в первый же ресторан, который встретили на пути. Это был одно-значно мясной ресторан, с игривым названием «Таки стейк!» и улыбчивой гипсовой коровой у входа. Всем своим видом корова демонстрировала радость быть съеденной. Она даже была выкрашена в белый цвет и разделена линиями на мясницкие части с сурово звучащими названиями «кострец», «зарез», «оковалок».

Ресторан был чуть более пафосный, чем полагалось при наших джинсах и курточках, но я решил рискнуть. Мы заняли маленький столик у окна, официант мгновенно принял заказ (я попросил «рибай» прожарки «медиум рэйр», Найд был не столь радикален и взял хорошо прожаренный «стриплоин»). Найд получил «натуральный домашний лимонад», а я заказал порцию скотча и бокал вина к мясу.

– Бухать будешь, – неодобрительно сказал Найд.

– Порция виски – это не бухать, – возразил я. – Ну а вино к мясу, так это вообще полезно.

– Полезно пить сок и негазированную воду, – наставительно произнёс Найд.

Вот они, последствия воспитания у квази. За рюмку вискаря приходится выслушивать от ребёнка нотацию. Я быстро опрокинул в себя широкий бокал, на дне которого болталось две столовые ложки драгоценного напитка. Благослови Господь суровых шотландских винокуров, которые вынесли всех восставших в считанные дни и сохранили свои заводики!

Найд картинно вздохнул и продолжил пить лимонад. А я, в ожидании ужина, скользнул взглядом по посетителям. Два мужика в костюмах и в распушенных галстуках, то ли бизнесмены, то ли чиновники. Трут что-то о делах, даже стейки свои не доели, зато графин водки уже пустой. Парень с девушкой. Парень волнуется, девушка кокетничает. Компания мужиков и женщин, всем около тридцати, все очень разные, но явно хорошо знакомые, шумные. Одно-классники встретились? Квази средних лет, сидит с живой женщиной, едят стейки... Квази? Стейки?

– Найд... – сказал я негромко. Но интонацию он понял, сразу напрягся, стрельнул глазами по сторонам. – Если что – держись за моей спиной...

– Ты чего, пап? – спокойно спросил Найд.

– Квази лопает мясо, – сказал я, глядя на немыслимое. – Филе-миньон. «Рэйр».

Найд вздохнул и пихнул мне по столу меню, которое официанту не удалось у него забрать.

– На последней странице.

Я опустил взгляд вниз.

Да, на четвертой странице короткого, на два листа, меню был раздел, нарочито безграмотно озаглавленный «Квази – без боязи». Раздел вегетарианских стейков.

– Там соя всякая, капуста, свёкла, – сказал Найд. – Многие такое лопают, ну, они же помнят, как раньше мясо ели, да и выделяться в обычных ресторанах не хотят. Ты чего, папа?

Я махнул рукой, неловко улыбнулся.

Но Найд вдруг напрягся, куда сильнее, чем услышав мой обеспокоенный голос.

– Тебе тоже... сказали?

– О чём?

– Ну... мне Вероника... – Он замялся. – Она сказала, что несколько квази сошли с ума. Стали мясо жрать, даже людей покусали. Она предупредила, что если вдруг начнёт странно себя вести или ещё что – надо убегать. Даже от неё. Потому что никто заранее не знает, сойдёт с ума или нет.

Вот так секретность!

Каждая девчонка-квази в курсе того, что происходит.

– Что она ещё говорила? Какие ещё странности?

Найд покачал головой. Значит, про древних восставших информация ещё широко не разошлась.

– Вероника всё правильно тебе сказала, – признался я. – Не стоит лишний раз бояться, но если что...

– То убегаю, – согласился Найд. – Понял, не маленький.

Разговор не помешал нам доестъ стейки, а Найд – даже попросить себе мороженого. Я взял кофе, хотя предпочёл бы ещё порцию виски. Ещё раз оглядел ресторан. Все ели и пили в своё удовольствие. Квази с живой подругой жевал фальшивый стейк. Юноша что-то горячо говорил подружке, та млела от его слов. Два бизнесмена заказали ещё один графин водки.

Никого подозрительного.

– Ты скучаешь по Насте? – неожиданно спросил сын.

– Да, – ответил я.

– А по маме?

Я помолчал. Трудный вопрос. Когда дети начинают задавать трудные вопросы, это значит, что они уже выросли.

– Да.

– Больше, чем по Насте?

– Не знаю. Одинаково. Сашка, на такие вещи невозможно ответить.

– Ты сказал, что не можешь теперь с Настей... жить. Когда она стала квази. А с мамой?

– Она умерла.

– Ну и что? – Найд искоса смотрел на меня.

– Она насовсем умерла.

– А если нет? Если она стала как Настя?

– Не знаю. Не могу этого представить.

– Значит, ты по ней больше скучаешь, – сказал Найд. Вроде бы удовлетворённо, но почему-то и с огорчением. – С Настей ты не смог жить, а про маму не знаешь.

– Я бы очень хотел, чтобы она была жива, – сказал я. – Пойдём?

Мы вышли в светлую питерскую ночь. Впрочем, сейчас она не была такой уж светлой, облака и накрапывающий дождик никуда не делись. Мы дошагали до улицы имени старого казахского акына, Найд то забегал вперёд, то вдруг возвращался и брал меня за руку, будто маленький. Уже на лестнице он спросил:

– Папа, я тебе не мешаю?

– Чем?

– Ну... вообще. Жить. С женщинами встречаться.

– Нет-нет, – сказал я, неожиданно смутившись. – Всё в порядке. У меня есть время на личную жизнь.

– Если ты захочешь на ком-то жениться, – продолжал Найд, – то не думай, я не буду против. Я уже большой, я всё понимаю. И я могу пойти в какое-нибудь кадетское училище...

– Ты можешь пойти в угол, – сказал я. – За недоверие к отцу. И вообще кончай кокетничать, как красна девица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.